

An abstract painting with vibrant, expressive brushstrokes in shades of blue, orange, red, and yellow. The composition is dynamic and textured, with a central focus on a face-like form rendered in soft, blended colors.

Виктор Добросоцкий
Театр жизни

Виктор Добросоцкий
Театр жизни

«Автор»

2026

Добросоцкий В.

Театр жизни / В. Добросоцкий — «Автор», 2026

Я решил написать этот роман, вспомнив историю об искусном мошеннике, выманившем у меня много денег. Все эти годы я не жалел о своей финансовой утрате, но часто возвращался к переосмыслению мира обмана и самообмана, и нашей роли в этом Театре Жизни. Герои романа не вымышлены. Они живут рядом с нами и часто не привлекают нашего внимания, поглощённого гонкой за успехом и благами под покровительством Падшего Ангела потребления. Мы часто не замечаем жизненные знаки, подменяем духовные ценности мишурой суеты, не замечаем свое счастье и желанную любовь, скромно притаившуюся около ржавого замка нашего преступного безразличия. Созерцание жизни — сложная задача для современной цифровой эпохи, погони за мифическим цифровым счастьем и лайками, иллюзорно скрывающими наше душевное одиночество. Герои романа искренне верят в правоту и обоснованность своих жизненных установок. Столкновение мировоззрений делает кого-то прозорливыми и счастливыми, а кого-то ослепшими от обмана, злобы и зависти.

© Добросоцкий В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Мерцание смыслов	8
Театр Жизни	13
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Добросоцкий

Театр жизни

От автора

Пятнадцать лет творчества – это много или мало? Для меня это большая жизнь в мире миллионов родственных душ. Душ, читающих мои книги, душ, воспринимающих мои фильмы, спектакли, песни...

Это удивительное наслаждение виртуального, заочного и очного общения с миллионами незнакомых, но близких душ, которые живут в унисон с биением моего сердца, моих мыслей и жизненных ощущений.

Перед премьерой спектакля «Продавец игрушек» около служебного входа Театра им. Вахтангова ко мне подошла девушка и протянула мою книгу «Человек хочет стать морем, но...» для автографа. Она прилетела на премьеру специально из Татарстана и сияла счастьем встретить меня – совсем незнакомого, но, видимо, очень близкого по душевной природе человека.

Сколько таких счастливых минутных встреч происходит в моей жизни... Я безмерно благодарен всем, кто своими добрыми и искренними сердцами помогли и помогают мне реализовывать творческие проекты.

А все началось случайно, в 1998 году, со знакомства с удивительным, ярким человеком – Антоном Барщевским. Он своим пытливым взором случайно обнаружил на моем рабочем столе маленькую новеллу «Ностальгия по будущему», которую я написал просто из чувства долга – обещал академику Загарулько поведать эту удивительную историю миру... Антон сказал сразу: «Будем снимать!» – и как вихрь внес меня в мир Кино. К сожалению для авторов и к счастью для меня, написанные литературные сценарии не совпали с моими ощущениями, связанными с этой историей. Чтобы показать, как я вижу будущую картину, мне пришлось написать свой вариант сценария и отослать Антону. Ночью он перезвонил мне и с восхищением сказал, что сам Аркадий Инин благословил меня на литературный путь, произнеся: «Это не сценарий. Это роман. Этому человеку надо издаваться».

Так вышел первый роман, «Ностальгия по будущему», и великая поэтесса и человек Римма Казакова рекомендовала меня в Союз писателей Москвы. Так я стал через перо и киноленту передавать свои жизненные ощущения.

Мое стремление говорить с людьми своими переживаниями поддержало много поистине великих людей, которые сегодня с нами или ушли на другой виток своего путешествия по Вселенной, но остались с нами навсегда в памяти. Это Святейший Патриарх Алексей Второй, Антон Барщевский, Аркадий Вольский, Андрей Вознесенский, Михаил Козаков, Римма Казакова, Андрей Петров, Валентина Толкунова, Маргарита Эскина. И, конечно же, это мой отец Иван Добросоцкий, всегда трепетно гордившийся каждым малым моим успехом. Мне так его не хватает.

Я желаю здравствовать людям, которые в той или иной степени повлияли на мое творчество, став его участниками, соавторами, верными помощниками:

Владыка Иринарх, Виктор Баранов, Сергей Багиров, Андрей Бусыгин, Юрий Васильев, Рубен Варданян, Евгений Валериус, Николай Девяткин, Борис Диодоров, Ирина Герасимова, Нонна Гришаева, Александр Журбин, Сергей Зернов, Евгений Залешин, Дмитрий Кирпиченко, Кирилл Кростошевский, Евгений Князев, Ольга Кабо, Николай Нестеров, Виктор Озеров, Пьер Ришар, Николай Рыжков, Дмитрий Рыболовлев, Иван Сидорок, Юрий Соломин, Сергей Тарасов, Юрий Трутнев, Олег Толкачев, Александр Торшин, Карина Филиппова, Елена Цыплакова, Карен Шахназаров.

Отдельная моя благодарность моей жене Наталье Добросоцкой за любовь к красивой книге и детям Наталье, Ивану и Дарье, поддерживающим меня даже в актерском амплуа.

Здесь сотни недописанных имен людей, которые, может, и сами о том не подозревая, в какую-то минуту моей жизни ободрили, помогли советом, дали новые силы и оригинальные идеи незаметно, между прочим брошенными, но очень важными для меня словами. Возможно, очень скоро появится книга об этих удивительных людях, с которыми мне посчастливилось встретиться и чьим общением наслаждаться.

Эта книга особая. В ней мне хотелось поделиться сокровенным. Это гимн любви и смыслам нашего земного полета в романе «Белый лебедь», а также мои удивления, восхищения, размышления в новых рассказах.

Жизнь продолжается, она сама дарит нам новые сказания, а писатель имеет маленькую честь остановить мгновение своим пером и вернуть читателя к тем главным эмоциям, потеряв которые, мы лишаемся возможности быть счастливыми. Ибо только эмоции удивления и смеха возвращают нас к новым и новым приятным мгновениям переживания наших чувств в прошлом, настоящем и будущем!

Мерцание смыслов

о прозе Виктора Добросоцкого

Что отличает одаренного человека от того, кто только хотел бы им казаться? Простодушие. Моцарт был простодушен. Нынешние дельцы от искусства даже ставят Моцарту это в упрек. Сальери тоже ставил...

И, тем не менее: как сказал преподобный Амвросий Оптинский: «Где просто, там ангелов – до ста».

Просто все онтологические ценности «просты». Человек нагим приходит в этот мир. И туда он тоже уходит нагим. В какой бы дорогой костюм его ни обрядили...

Добро, как свидетельствуют святые отцы, – тоже просто. Не бывает «сложного добра».

К сожалению, эти простые истины миру постоянно приходится напоминать. Кто-то это делает с амвона храма, кто-то с монитора компьютера, кто-то со страниц книг и телеэкрана. Но мало напоминать – этим истинам нужно еще и соответствовать.

К последним, без сомнения, следует отнести Виктора Добросоцкого. Нисколько не претендуя на тонкое и даже сколько-нибудь подробное знание его жизни. Просто (опять же – просто!) нельзя творить такой простой материей, как добро, не соответствуя ей. Обязательно изорвется, повиснет лоскутами. Обнажит зияющие провалы в пустоту...

Рождённые ползать. Или летать.

Новый роман «Театр Жизни» исполнен в несколько неожиданном, но, на мой взгляд, крайне удачном для автора жанре – в жанре авантюрного романа. Давно я не читал книг о самой жгучей современности и с таким жгучим интересом!

При всём разлитом и набившем оскомину изобилие подобного рода (но не такой!) беллетристики на сегодняшнем книжном рынке, я могу назвать всего пару-тройку имён тех, кто действительно и достойно представляет этот жанр в современной русской литературе. Это Михаил Попов, Юрий Поляков, Александр Трапезников, может кого и забыл, да простят мне коллеги, но суть в другом – теперь к этой именитой когорте вполне законно примкнул и Виктор Добросоцкий. Что не может не радовать знатоков русской словесности.

Теперь о «незнатоках», то есть о простом читателе, которому и адресован роман.

Роман является хорошей эстетической и нравственной провокацией (в хорошем и опять-таки не современном смысле этого слова). Почему в нём так много места и времени уделено лётчикам, если роман рассказывает о молодых актёрах? Откуда эта страсть к полёту – у страстно ползающих по земле и свивающихся в клубки страстей, лжи, обмана и предательства двуногих и вроде бы прямоходящих героев романа? И если она, эта страсть к полёту, в самом деле есть – как вырваться её счастливому обладателю из удушающих холодных объятий лживых «друзей» и коварных импресарио преисподней?

Не раскрывая тайнств сюжетной игры (роман-то авантюрный!), скажу всего лишь одно – «Театр жизни» обо всём этом. До последней главы автор держит нас в напряжении – сможет ли главный герой выпутаться из переплетения лжи, преступлений, обстоятельств и обязательств в которых он увяз (и сам себя запутал)? Что ему поможет – собственная изворотливость, талант или помощь свыше? Возможна ли романтическая любовь в нашем цифровом и неромантическом мире?

Прочитав роман на одном дыхании, читатель получит ответы на все эти вопросы. И – не забудет этих ответов.

Потому что здесь кроется ещё одна особенность и новизна (!) романа для самого автора. Именно в «Театре жизни» раскрывается новое в литературном стиле Виктора Добросоцкого (особенность ли это только данного произведения или вообще результат некоего внутреннего становления писателя – покажет время), но роман – предельно афористичен. То есть помимо афоризмов, которыми уснащают свою речь персонажи «Театра жизни» (что неудивительно – ведь они в большинстве своём актёры и привыкли блистать чужой мудростью, взятой напрокат), сам повествователь в романе делится с читателем наблюдениями над жизнью, отлитыми в чеканные формулы, а подчас и приглашает к диалогу великих (Гиппократ, Наполеон).

Ну и последнее, что хотелось бы отметить. Добросоцкий не был бы Добросоцким, если бы в самой острой интриге, в самых мутных и неприглядных страстях и поступках его героев – красной нитью, глубинным внутренним нервом мощным подтекстом повествования, скрепляющим роман в единое целое наряду с сюжетом, не проходила бы тема борьбы добра и зла: в небесах над этим миром, в нашем дольном мире и в самой душе человеческой.

От того, кто победит в этой борьбе и зависит: лётчик ты или нет.

Позывной «Надежда»

Наибольшего единения автора и его «лирических героев» в общем смысловом поле добра Виктору Добросоцкому удастся достигнуть в небольших рассказах, включенных в эту книгу. Не случайно они ее и замыкают – это, так сказать, торжество авторского высказывания и закрепление результата поисков.

Однако смысловым ядром книги, ее мировоззренческим реактором становится роман «Белый лебедь», который, как и положено форме эпической и объективной, погружает нас, читателей – в мир, где еще ничего не предрешено, ничего не закончено, даже напротив – все запущено и непоправимо настолько, насколько только это и возможно в современном нам мире и обществе. Да еще в постсоветской России. Да еще в Москве. Да еще в большом бизнесе...

И хотя действие «Белого лебедя» начинается в безмятежных швейцарских Альпах – дыхание большого, криминального, развращенного города ощущается буквально за спиной главного героя романа – Сергея Северова. Оно неотступно, как телохранитель Степа, следует за ним на всем протяжении романа, пока Сергей наконец не находит в себе силы сбежать. Пока к нему не приходит помощь...

Добросоцкий, запуская реактор смыслов, ставит своего героя в «пограничную ситуацию», как ее определяли экзистенциалисты и прежде всего Карл Ясперс. Ситуацию «вины» и «смерти». Ситуацию, в которой у человека появляется шанс (только шанс!) узнать о себе нечто самое важное – то, что он действительно есть на самом деле...

У автора нет простодушной уверенности Ганса Христиана Андерсена в том, что гадкий утенок сам по себе, просто в силу законов природы непременно станет белым лебедем. Наш мир – отнюдь не сказочный, да и времени у главного героя не остается. Поэтому Виктор Добросоцкий «торопит» его. «Вручает» (руками лечащего врача) Северову повестку – о том, что если он не изменит себя, свою жизнь, свой образ мыслей, то через несколько месяцев – всё. Белый лебедь не увидит своего отражения в зеркальной глади пруда, так и умрет, не расправив крылья – гадким, обиженным на весь мир и себя самого утенком.

Самое забавное, что по первой своей, «горячей» профессии Сергей Северов должен бы и не очень бояться смерти. В прошлом – офицер ГРУ, прошедший Афган и другие «горячие точки», Северов не раз смотрел ей в лицо, да и потом – в его стремительном восхождении на вершины бизнеса, как и у всех его коллег по скоропостижной частной собственности, было много смертельно опасного, ежедневного риска. Но тогда – и на службе и в обогащении – была цель: вот достигну перевала, уведу группу из-под огня – и отдохну; вот заработаю денег столько, чтобы на всю жизнь – и будет счастье...

Только вот и группы его с задания уже все вернулись, и денег – за целую жизнь не потратишь. А счастья, даже того маленького, домашнего, которое было когда-то у уволившегося в запас офицера – с любимой женой и малышами-детьми – даже этого счастья нет. Дети предельно далеки, жена тихо и деятельно ненавидит. Главное же, некого винить, кроме себя, в том, что нет его, счастья.

А нет счастья – и жизни нет. Нет ее уже по самой ее сути, да и формально, как сказал врач – скоро не будет.

И в этой ситуации герой Виктора Добросоцкого получает вторую «повестку», и хотя выглядит она как простая стофранковая купюра, важно не это, важно – кто ее вручил.

Сам носитель «говорящей» фамилии Добросоцкий и своим героям дает «говорящие» имена и фамилии. Поэтому перед Северовым возникает не просто девушка: к нему обращается Вера. Задолго до того, как стать его Верой, она становится его верой в жизнь, последним, что его связывает с этой жизнью, но связывает настолько крепко, что перерубить эту связь не в силах ни нанятые убийцы, ни специально подготовленные агенты спецслужб.

Здесь, хранимый и вдохновляемый Верой, бывший боец ГРУ Сергей Северов и вступает в последнюю свою схватку – даже не за собственную биологическую жизнь, а за жизнь в единственном осмысленном значении этого слова. И если внешние силы, вставшие на его пути, благодаря тренированному телу и тренированному уму разведчика, удастся достаточно безболезненно вывести из игры, то схватка с самим собой, прежним, уже до неразличимости стершимся от ежедневной лжи, разврата, бессмыслицы жизни – схватка с самим собой оказывается самой беспощадной. И в этой схватке Сергей получает позывной «Надежда». Он не одинок в своей борьбе – тот, кто решительно двинулся навстречу сказке, не будет оставлен без помощи. Поэтому вместе с Верой в его жизнь приходит забытое в бетонных джунглях мегаполиса, утраченное, казалось бы, навсегда чувство гармонии – гармонии с природой, с самим собой, с движением собственной судьбы.

Оно не приходит внезапно, гармонии терпеливо и ласково обучает Северова прабабушка Веры, когда, раненый и едва живой, обдираясь о собственное прошлое и настоящее, Сергей словно бы проваливается в лесную сказку, где цветы радуются человеку, а звери внимают человеческому слову. Здесь, во врачующей темноте лесной пущи, совершается таинство исцеления – телесного и духовного...

Сюжет «Белого лебедя» таит в себе детективную напряженность, пересказывать и даже намекать на многочисленные его перипетии не считаю нужным, но, думаю, не будет большим преступлением перед автором и читателем сказать, что человек, который еще совсем недавно всерьез даже не задавался вопросом: зачем он живет на этом свете? – этот же самый человек, получив позывной «Надежда», спустя всего сто страниц повествования и девять решающих месяцев собственной судьбы, будет пеленать своими огрубелыми руками маленькую Любовь, открывая в ней и в своей Vere все новые и новые, бесконечные смыслы.

Собственно, на этом можно было бы и завершить наш небольшой разговор о романе Виктора Добросоцкого «Белый лебедь», если бы не одно «но». Автору показалось недостаточным наполнить собственное произведение философскими и смыслообразующими контекстами. В какой-то момент в нем шевельнулось хорошо знакомое для романтической традиции нашей культуры недоверие к логическому, рациональному... И он ввел в ткань повествования то, что я для себя назвал «лирическими намерениями» его прозы. Прием, кстати, очень характерный для традиции Русского символизма (например, у Андрея Белого). Как бы опасаясь, что рациональное не сможет в полной мере передать чуда человеческой судьбы (а Сергей Северов здесь взят как обобщенный образ человека нашего времени) – Добросоцкий добавил в самые драматичные эпизоды повествования предельно ритмизованные отрывки – в которых как бы мелькает, как бы отражается то, что образцовым языком прозы передать невозможно: мерцание смыслов.

В какую-то уже вовсе родовую прапамять отправляет нас автор, взбираясь наверх по корням русских слов в своих лирических наверхиях. И это отнюдь не спонтанно возникшее ухищрение – у Добросоцкого есть целая книга, собравшая такие малые поэтические формы: «Фая-тония». Потому как сами эти малые лирические отрывки получили у него обозначение «Фая» – от испанского праздника огня. Огонь, вспышка, мерцание смыслов. В нашем случае, в романе «Белый лебедь», эти лирические наверхия венчают самые важные главы романа и дают дополнительный объем произведению, в том числе – и смысловой.

Папа Ганс и другие

Завершают книгу, как уже и отмечалось, рассказы. В рассказах более отчетливо проступает образ самого автора. Разумеется, Виктор Добросоцкий сохраняет известную дистанцию между собой и своим «лирическим героем», однако здесь мы видим гораздо более утонченную линейку инструментов повествования. Создается ощущение, что автор, устав от сдержанности «большого стиля», присущего роману, наконец-то вырывается на лирический простор малых прозаических форм, где возможны и ирония по отношению к героям, и даже самоирония; где есть возможность сказать интонацией гораздо больше, чем логически выверенными сюжетными ходами.

Мне кажется, что среди рассказов Добросоцкого особое место занимает рассказ «Папа Ганс». Название, прямо скажем, провокационное. Еще более провокационным оно становится, когда мы узнаём, что герой рассказа, старенький Ганс – и вправду когда-то воевал на Восточном фронте. Для русских – тема, безусловно, большая. И это неудивительно для народа, заплатившего цену в 27 миллионов жизней за Победу над фашизмом.

К тому же – в последние десятилетия мы уже неоднократно становились свидетелями «переписывания истории», когда нацистских извергов и убийц пытались объявить чуть ли не «спасителями Европы от большевизма».

Поэтому читать рассказ с таким названием начинаешь с пристрастием. И чувствуешь, как понемногу «отпускает», как начинаешь погружаться в мягкую, почти семейную (неслучайно же – папа Ганс) атмосферу этой удивительной человеческой истории. И нам открываются перипетии судьбы этого странного старичка, который в молодости служил заправщиком самолетов в Люфтваффе, попал в плен и навсегда сохранил благодарность русской докторше, пожалевшей худенького болезного паренька и отпустившей его восвояси. И тот ужас, который встретил его на родине, то, до чего Германию довел фашизм. И то, как он спустя много лет в свою очередь практически усыновляет русского юношу и пытается помочь ему и новой России, оказавшейся у разбитого корыта после «перестройки» и развала Советского Союза.

В этой тихой истории с еще более тихой концовкой на самом деле есть что-то оглушающее – чего не достичь криками, надрывом и другими нарочитыми приемами. Какое-то чудо «очеловечивания» совершается здесь, что-то сокровенное из общих всем земнородным глубин рождения и смерти открывается нам и возвращает чувство такой хрупкой сегодня человеческой общности. Чуть не сказал – христианской...

И об этом – хотелось бы поподробнее. Виктор Добросоцкий нигде сознательно не высказывается на тему веры и ее постулатов, но его герои ищут – ищут ответы на последние вопросы, они делают это как бы на ощупь – самими своими жизнями – мучительно нащупывая контуры добра в этом мире. И автор не навязывает им никаких выводов. Вполне возможно, они сами и сделают эти выводы, но это будет – уже в других книгах.

Однако и в этой книге есть рассказ, о котором нельзя промолчать. Потому что он возвращает нас к началу нашего разговора о прозе Виктора Добросоцкого: откуда автор берет силы работать и не отчаиваться в сложнейшем, напряженном, не очень-то (признаем это) и нужном современному миру – смысловом поле добра?

На этот вопрос отвечает героиня рассказа «Миллионерша», киргизская женщина, после случившегося с ней чуда принявшая Православие:

«Ваш Бог – самый лучший!» – заканчивает свой рассказ она.

Что ж, подводит итог автор: теперь это наш общий Бог.

Не обязательно принимать это на веру – просто стучитесь, ищите добра, и вы никогда не останетесь в темноте...

Секретарь союза писателей России

Алексей Шорохов

Театр Жизни

Авантюрный роман

Предисловие

Я решил написать этот роман, вспомнив историю об искусном мошеннике, выманившем у меня много денег. Все эти годы я не жалел о своей финансовой утрате, но часто возвращался к переосмыслению мира обмана и самообмана, и нашей роли в этом Театре Жизни.

Герои романа не вымышлены. Они живут рядом с нами и часто не привлекают нашего внимания, поглощённого гонкой за успехом и благами под покровительством Падшего Ангела потребления. Мы часто не замечаем жизненные знаки, подменяем духовные ценности мишурой суеты, не замечаем свое счастье и желанную любовь, скромно притаившуюся около ржавого замка нашего преступного безразличия.

Созерцание жизни – сложная задача для современной цифровой эпохи, погони за мифическим цифровым счастьем и лайками, иллюзорно скрывающими наше душевное одиночество.

Герои романа искренне верят в правоту и обоснованность своих жизненных установок. Столкновение мировоззрений делает кого-то прозорливыми и счастливыми, а кого-то ослепшими от обмана, злобы и зависти.

Как правило, оценки автора редко совпадают с мнением читателей, но я призываю Вас быть снисходительными к моим Героям, ведь они стараются вместе с Вами разобраться в хитросплетениях Театра Жизни, в котором каждый из нас исполняет Роль, уготовленную нам Господом при рождении, подсвеченную софитами наших Помыслов, Божьих Промыслов и неиссякаемым трудом наших душ, ежечасно борющихся с ленью за право добиться своего человеческого счастья.

Глава 1

Хмель сопровождает человека всю жизнь.

Хмель уводит от реальности,

Реальности, которой не существует.

Хмель возбуждает фантазии,

Хмель окрыляет надеждами,

Хмель – это счастье для сильных,

Хмель – это ловушка для слабых.

Уроки актерского мастерства вводили Степана в депрессию. Руководитель актерского курса – профессор Карп Иванович Прибухайло, и Степан был уверен в этом, недолюбливал своего ученика за длинный и острый язык. Кроме того, антипатию к нашему герою вызывали его постоянные нарушения незыблемых канонов служению Его Величеству Театру, которые составили великие божества режиссуры Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко.

С невольной и ехидной подачи именно Степана к наставнику прилипла кличка "профессор Бухайло", что совершенно очевидно простить своему ученику Карп Иванович никак не мог. Степан знал причину едких фраз профессора в свой адрес, но старался не обращать на них внимание. «Если у старика плохо с самоиронией и юмором, то это проблема его комплексов, но не моя» – думал Степан. Скажем сразу наш герой считал себя будущим гением сцены, что вызывало в его душе постоянный зуд бунтарства против педагогов, а порой и вызывающе показательного злобного сарказма к окружающим его людям. Степан знал, что его сарказм – своего рода

защитная реакция. По правде сказать, чувство протеста против наставничества зародилось в нем давно, еще в начальной школе, когда мать постоянно ставила соседа по квартире Димку ему в пример. Степан страдал от ущемленного самолюбия и открыто ненавидел соседа и в душе клялся себе, что докажет маме и миру свою исключительность и избранность на земле. Позже, когда Степан стал студентом, отец как-то сказал Степану, когда они откровенничали по душам: «Сынок, не переживай! Все наши комплексы и страхи родом из детства и расстаться с ними крайне сложно, но возможно тебе повезет встретить мудрую женщину, любовь которой наполнит твою душу особой силой счастья, растворяющей шлаки детских переживаний». Эти слова отца запали в душу молодого человека и время от времени он стал в фантазиях представлять женщину, которая подарит ему любовь и сделает его счастливым. Отец многое пытался изменить во внутреннем мире сына, пытаясь своими установками укрепить жизненный фундамент, оберегающий его от скольжения по зыбким тропинкам судьбы.

– Только в поисках счастья для других, сынок, ты сможешь найти и свое счастье, – говорил отец, видя замкнутость сына. Степан улыбался на эти старомодные умности и отвечал: «Только из любви к себе родному, папа, рождаются настоящая сила и успех в современной жизни».

А пока, учась в Ярославском театральном институте, Степан старался стать лидером среди студентов, но ему мешала скрытность, замкнутая манера поведения, не вызывавшая к нему симпатию среди однокурсников и педагогов. Исключением был школьный друг Алексей Скрянов. Он в отличие от Степана всю школьную жизнь страстно бредил актерством, отдавая все свободное время школьному театру. Степан же мечтал стать то летчиком, то президентом страны и покоится на Красной площади среди знаменитостей, то отправиться в безвозвратную экспедицию обживать Марс. Главное, что объединяло все его мечты, так это желание прославиться на весь мир. Мать не вмешивалась в его выбор жизненного пути. Она сохранила родовые заветы, которые в непростые для сына времена доставала из «сумки мудрости» и произносила немножко отрешенным голосом, льющимся мелодично из опыта прошлых поколений: «Беспокойство, смотрит вокруг, страх смотрит назад, вера смотрит вверх, вина смотрит вниз, а счастье, сынок, смотрит вперед. Жизненный успех сопутствует только тому, кто занимается самозабвенно любимым делом. Ищи себя, сынок, и ничего не бойся!»

Когда друзья закончили школу, Алексей попросил Степана приколоться -поддержать его при поступлении в театральный институт. Наш герой к этому времени так и не определился в выборе вуза и своего будущего, и чтобы выполнить долг дружбы подал вместе с Алексеем документы в театральный институт. По иронии судьбы Степан, прочитав басню Крылова «Подагра и паук», выбил слезу у председателя приемной комиссии Карпа Ивановича Прибухайло, как оказалось страдающего многие годы подагрой. Так наш герой с формулировкой «за особый талант» сразу после первого тура без дальнейших испытаний, был зачислен на актерский курс мэтра Прибухайло. Другу Алексею же пришлось с трудом продираться сквозь трехэтапный частоконкурсного отбора.

После зачисления друзей в институт, Алексей растрогался на вечеринке по случаю обмытия студенческих билетов, обнял друга и произнес с восхищением и почти незаметной легкой ноткой зависти: «Ну красавчик, с первого тура в десятку! Следующий шаг это – Голливуд. Горжусь тобой!»

К слову, наш герой не был красавчиком, но по- мужски был вполне привлекателен, обладая высоким ростом и атлетически сложенной фигурой. Открытая улыбка ровного ряда жемчужно-белых зубов, творчески взъерошенные упрямые черные блестящие волосы выдавали в нем подлинно творческую натуру. Миндалевидные карие с бархатинкой глаза в минуты внутренней раскрепощенности блестели светом какой- то подкупающей детской наивности, который просачивался откуда-то из глубин еще не повзрослевшей души. Но через мгновение очарование наивности могло исчезнуть, и глаза без какой-либо видимой причины застлались

матовой завесой равнодушия и создавали неприятную дистанцию для какого-либо дальнейшего общения. Именно в эти моменты Степан терял всякий контроль над собой и его язык начинал с легкостью источать незаслуженные язвительные колкости в адрес окружающих, изумленных этими метаморфозами его настроения. Кроме ярких изменчивых глаз на лице выделялся большой орлиный нос, который не портил привлекательность его внешности, а скорее указывал на внутреннюю силу характера нашего героя. А характером он не сошелся со своим наставником с первых минут общения.

Карп Иванович работал в институте больше двадцати лет. Ему было около шестидесяти пяти лет от роду и будучи представителем знаменитой актерской династии он был известный человек в Ярославле. Карп Иванович источал всем своим аристократическим видом утонченные манеры поведения давно ушедших времен, когда говорили на правильном русском языке, были галантны с женщинами, соблюдали дистанцию достоинства с мужчинами и оставались снисходительно справедливы с учениками. Он презрительно относился к деньгам и наживе, и разрешал студентам подрабатывать дворниками, механиками сцены, костюмерами, рабочими, наконец даже в театральной массовке, но опять же только в родном Ярославском театре. Исключения правда бывали, когда Карпа Ивановича просили лично ректор или уважаемые им персоны из среды властных или творческих элит отпустить «блатного» студента для съемок в сериале в Москве. К счастью эти случаи были крайне редки и в институте не афишировались. Настоящей удачей для рядового студента было подловить похмельный синдром у профессора и невзначай без всяких просьб подарить наставнику бутылку холодного шампанского, тем самым спасти педагога от изнуряющей головной боли. В этих редких случаях Карп Иванович принимая шипучее лекарство очень смущался и шепотом говорил студенту: «Доброта твоя без сомнения требует вознаграждения, и я не могу пройти мимо и опозлить себя неблагодарностью. Не осуждайте людей. У каждого человека есть свои проблемы, но разница среди людей в том, как мы эти проблемы решаем». Студент, играя неловкость и смущение протягивал на визу мэтру заявление и тот с чувством собственного достоинства подписывал, не глядя свое согласие на актерскую практику вне театра, демонстративно отложив свои очки в сторону. Наряду с педагогической деятельностью Карп Иванович иногда играл главные роли в Ярославском драматическом театре имени Волкова. Рост у него был совсем маленький, а черты лица мелкие, что лишило его в жизни амплу героя-любownika, играл Карп Иванович в театре мошенников, скряг, подлецов, слуг и неудачников, хотя в жизни был добрым, милым и очень влюбчивым в женский пол кавалером. Может быть частично от этой своей дисгармонии между духовной натурой и театральным амплу он частенько приходил в институт на занятия актерского мастерства с ярким водочным запашком, оставшимся от буйной творческой, а может и романтической ночи. Несмотря на неказистую мужскую фактуру, своими комплиментами, щедростью и благородством он был способен покорить даже многоопытных красавиц. В такие дни, усталый от бессонницы и романтики, свою лекцию Карп Иванович всегда начинал пафосной речью с непременно заимствованием строк бессмертной поэзии Пьера де Ронсара, которые Карп Иванович по умолчанию выдавал за свои размышления: *Друзья мои! Весь мир театр – мы все актеры поневоле, Всесильная Судьба распределяет роли, И небеса следят за нашей игрой!* Запомните, друзья мои – бездари и лентяи! Вы рабы профессии! Актер может стать великим проповедником добра только будучи аскетом в жизни, образцом нравственности, погруженным всем своим существом в атмосферу творчества! Театр ваш дом и святая церковь.

Если я узнаю, что кто-то занимается под кровом нашей обители обезьяньим бизнесом – подрабатывает на корпоративах или в кино – отчислю в одну минуту без предупреждения!

Далее шел спич, посвященный Степану:

– Кстати, умники, не знающие русского языка и глумящиеся над моей великой русской фамилией, запомните, как Отче Наш, что слово «бухать» это героическое русское слово! Прислушайтесь к мелодике слова...бу-хать... – пропевал нарочито театрально восторженно басом наставник – В этом слове слышится звонкая удаль былинных героев, поющих старинную балладу. Бухали орудия! Прислушайтесь: бух- бух – бух! – голос Карпа Ивановича наполнялся героическим пафосом. Это ядра наших пушек летят в стан врага. Мои прадеды были артиллеристами и воевали за Россию. Кстати, для остряков, дающим язвительные прозвища своим педагогам, смею напомнить: расхожее выражение "нельзя так бухать при посторонних» никакого отношение к пьянке не имеет, а наполнено величественным смыслом – «нельзя необдуманно говорить то, что не следует». Примите это к сведению и впредь не бухайте в мой адрес за глаза скверности. Это неприлично для людей, творящих искусство.

Последнюю фразу профессор неизменно сопровождал презрительным взглядом в сторону нашего героя, что вызывало язвительные улыбки не симпатизирующих Степану сокурсников.

Степан особо не переживал из-за похмельных нападков наставника. Он считал эти постоянные моралистские наставления Карпа Ивановича обыкновенным старческим идиотизмом и завистью к его молодости и к огромной карьерной перспективе великого артиста. Через три месяца состоится выпуск курса в большую театральную жизнь и именно ее Величество Жизнь расставит все и всех на свои места, и никто не посмеет больше публично бухать в сторону Степана какие либо нравоучения, а напротив все будут заискивающе пресмыкаться перед ним и его великим талантом. Оставалось немного времени терпеть.

Наступил 2019 год. Служа в театре в Пермской глуши, наш герой часто занимался самообразованием, методично проводя ревизию своей жизни в Ярославле. Четыре года учебы в институте несмотря на множество приятных и неприятных событий пронесли для Степана мимоходом. Об этом счастливом времени и, как ни странно, о Карпе Ивановиче Степан вспоминал часто после окончания института. Нашему герою по прошествии времени и после расставания с Ярославлем все более и более было стыдно за свое недостойное поведение в отношении наставника, с воодушевлением и щедростью миссионера, отдававшего ему свои знания, опыт и душу.

Он с ужасом признавал необъяснимость и нелогичность своего поведения в сотнях значимых эпизодах его студенческой юности. Вот и сейчас, сидя на репетиции детского спектакля «Царь Горох и молодильные яблоки» в Коми-Пермяцком национальном драматическом театре имени Горького Степан размышлял о своей странной судьбе. Ему казалось, что он целую вечность служит здесь, размышлял о своей безумной юношеской упрямости, твердолобости и гордыне, которые в конечном итоге и привели его в эту глушь. Правильно говорил дорогой мудрец Карп Иванович: «Всесильная Судьба распределяет роли." Мне досталась поделом роль коми-пермяцкого героя-любовника в провинциальном театре.

Распределение в этот столичный коми-пермяцкий городок – Кудымкар, заботливо спрятанный от цивилизации плохими дорогами и отсутствием какого либо путного сообщения Степан получил тоже по собственной глупости и бахвальству. Ему, как лучшему выпускнику института сразу предложили служить в Ярославском драматическом театре с его ампула молодого героя любовника. Это считается великолепным стартом для любого актера, но Степан грезил только Москвой и для этого были причины. В Москве уже несколько лет служил в театре выпускник института и его давний творческий соперник Евдоким Привалов. Он был на три года старше и его портрет, как немой укор висел на доске почета института рядом с портретом Степана. Улыбаясь с фотографии Евдоким каждый день ехидно говорил нашему герою «Московский театр – это настоящая слава. Тянись провинциальный лапотник, но не

порви штаны от потуги». Это бесило Степана, и он всегда старался обойти эту ненавистную доску почета. Он убеждал себя, что Евдоким никакой не талант, а необыкновенный баловень судьбы. В институте среди студентов ходила легенда, что Евдоким ехал в скоростном экспрессе из Ярославля в Москву и волей случая его кресло очутилось рядом с креслом главного режиссера Московского театра «Марс» Иннокентия Поспелова. Слово за слово они познакомились и человеческое обаяние Евдокима сыграло в его актерской судьбе решающую роль. В театре Марс уволили за пьянство актера с амплуа героя-любовника, и фортуна неожиданно открыла вакансию, которую режиссёр и предложил своему молодому попутчику. Справедливым будет отметить, что эта головокружительная карьера имела под собой не только голое везение молодого человека. Евдокима в институте постоянно ставили в пример для подражания студентам всех курсов, так как он действительно был очень талантливым актером. Это обстоятельство особо бесило Степана и он поставил перед собой единственную цель – догнать и перегнать Евдокима и доказать всему миру, что он, только он Степан достоин восхищения.

Кудымкар был не просто захолустным городом Пермского края. Здесь все жило по законам столетней давности и главной гордостью жителей были национальный театр, краеведческий музей и памятник лаптям. Легенды гласят, что именно здесь Демидовский крепостной крестьянин еще до уральского умельца Артамонова изобрел первый в мире деревянный велосипед и представил царю свое детище. Царь удивился и «озолотил» выдающегося изобретателя. Местные жители даже разыскали могилу этого крестьянина, но все это остается легендой, а явью стал неожиданный переезд Степана в Кудымкар.

Это мистическое событие по истечении времени превращалось в сознании Степана в дешевую нелепую мелодраму с участием его лучшего студенческого друга. Во время выпускного вечера Алексей Скриванов при девчонках их группы развел на «слабо» изрядно перебравшего горячительных напитков Степана.

– Слабо тебе, Степа сыграть со мной в пари на интерес? Бросаем жребий и какой театр выпадет, туда мы и устраиваемся, – наливая очередной бокал шампанского, произнес Алексей.

Студенческое братство, подбадриваемое винными парами, горячо поддержало эту авантюрную идею. В студенческой компании только Степан был на коне, первым получив приглашение на службу в Ярославский театр, а остальные ребята, включая Алексея находились в свободном поиске работы.

– Нет проблем. Любой театр мечтает обо мне. – произнес заплетающемся языком Степан. По хитроумной схеме, придуманной Алексеем они разыграли рулетку с выбором театра. В результате нашему герою достался Кудымкарский национальный драматический театр, а Алексею родной Ярославский.

Степан на следующий день в глубоком похмелье даже не помнил о пари, но под настойчивым натиском Алексея, рассматривая свое поведение, как продолжение игры и не задумываясь о последствиях отправил заявку на почту Кудымкарского театра. Однако игра превратилась в трагедию для Степана. Коми Пермский театр неожиданно прислал ему приглашение на работу. Естественно наш герой даже не обратил внимание на этот факт, не осознавая, что театральные миры очень тесны. Главному режиссеру Ярославского драматического театра мгновенно стало известно об официальном трудоустройстве Степана в Кудымкар. Наш герой был вызван в театр и получил отказ от его услуг с формулировкой «в связи с неэтичным поведением». По иронии судьбы, а как мы с вами понимаем, совсем не случайно – его место в Ярославском театре занял лучший друг Степана Алексей Скриванов. Студенты подозревали, что это была хитроумная борьба Алексея с лучшим другом за место под солнцем. Для Степана потеря престижного места работы и предательство близкого друга стали громом среди ясного

неба. Вот уж воистину «не бойся врагов, а бойся друзей, ибо предают только последние», – вспоминал он слова своего отца.

Узнав о таком повороте в своей судьбе, Степана запаниковал. Он на следующий же день вылетел в Москву, предварительно разослав свое резюме на почту всем московским театрам, но все его потуги спасти ситуацию окончилось полным фиаско. Удача категорически отвернулась от него. Московские театры не нуждались в молодом актере с амплуа героя-любownika и кандидатуру Степана даже не стали рассматривать. Так и сказали: " Не нуждаемся в твоём амплуа". Степан был раздавлен и решил скрыться от позора, от самого себя и от всего мира в Кудымкарской глуши. Наш герой погрузился в любимое занятие – изучение языков и выучил за два месяца новый для себя язык Коми-пермяцкого народа, чем вызвал удивление и уважение у местной публики. Ведь большинство спектаклей театра ставились на национальном языке. Протестный, а по сути, скорее вынужденный переезд в Кудымкар был для него не просто ударом по самолюбию, но и похоронами всех его амбициозных мечтаний. Справедливости ради нужно сказать, что новый театр принял нашего героя хорошо. Степан был самым высоким и самым молодым актером в театральной труппе театра и пришелся по душе режиссеру и благодарному провинциальному зрителю. И их можно понять. Все устали смотреть, как Ромео играет шестидесятилетний актер с огромным пивным животом и красным носом, выступающим как морковка из-под толстого слоя грима. Самой большой театральной радостью для нашего героя стали гастроли в Финляндию. Во время этой поездки местная финская пресса называла Степана самым талантливым представителем коми-пермяцкой нации. Было много смешного и грустного в его жизни в этой глухой провинции, но что не изменилось – наш герой во глубине души тайно мечтал о славе, мечтал о Москве.

Раз в месяц в театр приходил авторитетный, весом около ста пятидесяти килограмм, бизнесмен Самвел Погонян, не знающий коми-пермяцкого языка, но любящий посещать и спонсировать национальный театр. Особенно ему нравилась пьеса на коми-пермяцком языке «Ю Дорын», что означает «У реки», где главную роль играл Степан. Спектакль рассказывал историю одной простой коми-пермяцкой семьи, раздавленной жерновами государственной власти. В дни визитов бизнесмена, артистам приходилось играть этот большой спектакль можно сказать для одного зрителя. Для Степана такое унижение становилось личной трагедией, когда грузный бизнесмен, сидя на первом ряду со своим помощником постоянно засыпал на третьей минуте после начала пьесы и сопровождал свое глубокое погружение в коми-пермяцкую культуру таким храпом, что актеры пугливо переглядывались между собой, порой не слыша ответных реплик партнера. Храп Погоняна заполнял все пространство театра и превращал серьезное трагическое действие в театр беспредельного абсурда. По окончании пьесы Самвел всегда заходил за кулисы и прослезившись, благодарил актеров за отличную игру и дарил каждому по бутылке дорогого виски. Свою благодарность творческому коллективу он выражал всегда одной и той же фразой "Гениальная игра. Нигде я так не отдыхаю, как у вас в театре" и уходил в кабинет директора на банкет.

Степан после таких спектаклей приходил в казенную квартиру, снятую для него театром и с горя залпом без закуски выпивал подаренную бизнесменом бутылку виски. Затем с горькими мыслями о своей ужасной судьбе наш герой включал медитацию о завтрашнем дне, который обязательно изменит его жизнь, и засыпал в беспомысленности.

Будучи сейчас на репетиции, Степан размышлял о смысле его безрассудной жизни, о Пастернаке, который в отличие от Степана, добился-таки любви, пребывая в пермской провинции. Но ни одна из местных девушек не ранила сердце нашего героя. Душа наполнялась оби-

дой и жалостью к себе и такой болезненной безысходностью, что выходом могло быть только самое страшное – закончить брэнное существование на этой планете, как подобает гениальному актеру, не нашедшему себя в этой жизни. Ведь ему уже скоро исполнится 24 года, а в багаже только пять ролей в провинциальном театре.

Неожиданно на мобильнике высветилось сообщение от мамы "Перезвони срочно".

В ушах больно застучало: "Это отец. Что-то случилось с отцом!». Он чувствовал себя в последнее время плохо и как будто прощался каждый раз, как они разговаривали по телефону...

Показав на телефон режиссеру и сдавив шею руками, как знак вынужденного ухода с репетиции, Степан покинул сцену.

Звонить домой было страшно. Хотелось продлить время жизни отца в его сознании хоть на минуту. "Это ужасно, если он ушел и оставил нас всех сиротами». Он был всем. Растерзанное болезнью сердце отца, уже три года держало семью в постоянном напряжении.

Непроизвольно руки все же набрали родной номер «Мамуля». Вопреки тревожным ожиданиям Степан услышал очень бодрый и в то же время пронзительно ласковый и родной голос матери:

– Здравствуй, сынок! У меня хорошая весть. Звонил агент Евдокима Привалова, какой-то Ахмед или Махмуд, прости не расслышала и сказал, что твой профессор Карп Иванович настоятельно просил Евдокима тебе помочь в поступлении на службу в какой-то Московский театр и Евдоким нашел место. Так что твоя мечта сбывается, сынок. Отец тебе на ватсап телефон Евдокима переслал. Так что звони, сынок. Ты сам-то здоров? Ты помнишь, что здоровый нищий счастливее больного короля? Береги себя. Храни тебя Господь. Главное не переживай.

– Все хорошо у меня, как всегда. Как отец, как ты мама? – спросил Степан на автомате, а сам не слушая ответ матери, судорожно думал о своем: «Вот и Московский театр у моих ног! А помогает мне Карп Иванович, которому я так много гадил в жизни и Евдоким, которого я люто ненавижу. Точно от них такого не ожидал. Прочь дурные мысли. Все сбылось... Я так и знал, что мой час настанет... Но как унижительно, что этот выскочка Евдоким помогает моему восхождению, общаясь со мной через агента Мухамеда-Магомеда...."

– Мама. Я сейчас отправлю СМС, чтобы Евдоким звонил мне сам после 19 часов. У меня сейчас генеральная репетиция! " напыщенно высокомерно произнес Степан, дав понять, матери что спешит и разговор закончен. Он не хотел, чтобы мать почувствовала его радость и восторг от такой вожденной новости. Степан внушал себе, что все, что происходит с ним закономерно и Карп Иванович, и Евдоким всего лишь маленькие ничтожные винтики в сложном механизме судьбы и восхождении его гения к высокому пьедесталу успеха. Мать как всегда благодарна промолчала в ответ на его чванливое хамство и пожелав удачи, положила трубку.

Степану на секунду стало стыдно перед матерью за наигранную сухость его тона, но он уже научился быстро изгонять это чувство из души. Конечно он не собирался ждать звонка Евдокима и сам решительно набрал телефон, предвкушая с волнением судьбоносный разговор.

Алло – задержав дыхание театрально произнес приятный голос на далекой трубке в сердце России.

– Это Степан – сухо произнес наш герой.

– Степушка! Да как я рад! Мне звонил старик Карп Иванович – добрая душа и просил за тебя. Мне нужен напарник для одного интересного театрального проекта, вот я и пообещал нашему наставнику помочь тебе по семейному, – произнес очень дружелюбно Евдоким.

– Это неожиданно! Даже не знаю! Большая занятость в театре! Постоянные гастроли... – сам не понимая смысла своих слов, произнес холодным, неблагодарным тоном Степан.

– Всего на неделю прилетай, дружище, в Москву! Билеты я оплачу. Нет проблем. Попробуем! Если понравится проект – останешься. Если что – то не устроит – вернешься назад в свой Кудымкар. Хватит быть археологом провинциальных нравов. Москва ждет самых успешных! Карп Иванович верит в твой талант! А старику я доверяю на все сто!

– Деньги на билет у меня самого есть. Не нищий. Подумаю, взвешу все за и против и завтра если не закручусь позвоню. – театрально безучастно было брошено в ответ Степаном.

– Давай, старина, не затягивай! Жду звонка. – так же весело завершил разговор Евдоким. Степан отключил смартфон и тут же набрал отца.

– Как самочувствие – поинтересовался Степан у отца.

– Все великолепно сынок! – бодро отрапортовал он.

Степана всегда напрягал этот бодрый тон голоса. Он прекрасно понимал насколько тяжело болен отец и что вся его бравада имеет только одну цель- успокоить любимого сына.

– Папа, меня вызывают в Москву, в театр работать! Я тебе обещал, что всего достигну и видишь все так и произошло.

– Сынок! Жизнь – это вечный поиск счастья! Запомни смысла в жизни никакого нет, кроме самой жизни! Дерзай, но как в песне поется " Не застуди свое сердце сынок! Люби людей, и они тебя полюбят! Счастье – это гармония с самим собой.

– Хорошо, папа, береги себя! – попрощался Степан и улыбаясь подумал: " Отец взрослый человек, а живет и думает, как ребенок. Не остуди свое сердце сынок, гармония... На дворе эпоха цифры и век денег. Как он не понимает, что деньги и есть настоящая гармония! Наше поколение знает зачем живет и что такое счастье! "

Глава2

Города бывают разные,

Разные, как люди.

Города соединяют людей,

Города разъединяют людей,

Города закаляют людей.

Сохрани себя в этом городе!

Наступило 10 декабря 2019 года и до Новогодних праздников оставалось всего три недели. Весь репертуар в Кудымкарском театре был трансформирован в детские новогодние елки, которые проходили два раза в день. Актеры готовились работать на износ на Новогод-

них праздниках, как в театре, так и на корпоративах в качестве Дедов Морозов и Снегурочек. В театре сегодня разразился скандал из-за выходки Степана – срочного его отъезда в Москву. Все актеры как один, отказывались подменить Степана в роли красноного Оленя Рудольфа по многим искусственным надуманным причинам. Кто-то обосновывал нежелание играть Рудольфа своим малым ростом, кто-то загрузкой в театре другими ролями, кто-то собственной физической немощью и неспособностью гарцевать оленем по сцене и тащить, запряженным в тяжелые сани, толстяков – Деда Мороза и Снегурочку. Так и говорили: «Сил нет. Физически немощен. Сани с места не сдвину. Умру на сцене. Зачем вы этих толстяков на сани усадили? Пусть сами сани с подарками толкают, хоть вес сбросят, тем более они из-за ожирения с саней полчаса слезать будут – дети подарков вовек не дождутся». Отговорок было много, а настоящая причина у всех была одна – не потерять новогодние заказы и сорвать вожделенный куш на корпоративах. Декабрь – это месяц, который весь год артиста театра кормит. Зная все эти отягощающие обстоятельства, Степан готовился к нелегкому разговору с руководством театра.

Директор театра имея смешную фамилию – Ребенок и грозное имя Георгий, по своей природе был добрым и интеллигентным человеком.

Когда он представлялся: «Я – Ребенок», и смотрел наивным детским взглядом на собеседника многие, впервые его видящие люди, впадали в ступор, не понимая, почему он называет себя ребенком. Видя смущение незнакомца, директор улыбался наивной детской улыбкой и пояснял: «Георгий Ребенок». Были случаи, когда и это уточнение не помогало и тогда начинала разворачиваться забавная импровизированная реприза.

– Чей ребенок Георгий? – удивлялся незнакомец

– Я сам и есть Ребенок – пояснял с удовольствием, забавляясь, директор театра.

– Какой же Вы ребенок? Вы меня разыгрываете! Вы взрослый человек. По сравнению с Вами я ребенок.

Спорящий был абсолютно прав в своих сомнениях. Назвать Георгия ребенком было невозможно. Ему было 45 лет и двадцать из них от отслужил в театре – сначала актером и вот уже три года совмещал творческую и административную деятельность. Волосы Георгия покинули его большую неровную голову, недожив до тридцати лет. Маленькие зеленые глаза, большой рот с пухлыми губами и нос картошкой придавали его внешности крестьянский колорит и детскую наивность. Двухметровый исполинский рост и крупная телесная фактура делали его образ даже слегка сказочно демоническим.

В театре его недолюбливали из-за жены Полины – молодой двадцатипятилетней красавицы, которая по понятным причинам сразу после замужества сделала стремительный рывок от невидимых ролей «шаги за сценой» на главные и стала, в одночасье, как Золушка, ведущей актрисой театра. «Ночная кукушка лучше дневной» – судачили недоброжелатели. Все актеры в театрах всегда скрытные и явные конкуренты и самая острая болезненная сфера, порождающая конфликты – это распределение ролей на премьеры. Вольтер на эту тему как-то сгоряча изрек: «Зависть – это яд для сердца», но противоядия в актерской среде до сегодняшнего дня так и не нашли.

Степан сразу после разговора с Евдокимом, не глядя в репертуар театра, написал заявление на внеочередной отпуск без содержания на месяц, и тем самым грозил оставить детей, Деда Мороза и Снегурочку без верного Рудольфа. Возникла комичная ситуация, когда сани с подарками для детей придется тащить в упряжке самому Деду Морозу, который имея болезненную отдышку из-за прогрессирующего ожирения на это категорически не был согласен. Но Степану в данный момент было глубоко наплевать на театр, на разжиревших Деда Мороза и Снегурочку и, в конечном счете, и на кудымкарских детей – впереди маячила слава москов-

ского актера за которую он готов был принести любые жертвы. Недаром говорят, что карьеристские комплексы не только тюрьма для души, но и колыбель для произрастания зла. Об этом Степан думать сейчас не собирался. Он шел к своей жизненной цели напролом.

Войдя в маленький директорский кабинет, Степан увидел, как сидя в потертом кожаном кресле, Ребенок, не обращая внимания на него, внимательно читает какую-то важную бумагу. Присмотревшись повнимательнее, Степан узнал в ней, по неаккуратно вырванному тетрадного листу, свое заявление на отпуск.

– Как же так все бросить и уехать в высокий сезон отдыхать, когда детишки ждут Деда Мороза, Снегурочку, Рудольфа, подарков. Украсть у детей счастье! Вот как это называется. Это, не побоюсь сказать актерское преступление! – не поздоровавшись и не сдерживая своего возмущения, на повышенных тонах, произнес директор, презрительно глядя в сторону окна.

– Георгий Николаевич... – начал мягким спокойным голосом Степан, но его перебил возмущенный крик шефа.

– Сколько можно повторять не третируйте меня моим отчеством! Называйте меня по товарищески Георгий. Во-первых, я действующий актер, во-вторых я не старик – мы с Вами одного поколения и в-третьих – Вы плохо воспитаны, если не знаете, что человека нужно называть так, как он Вам представился при знакомстве. С чего вдруг я стал через три года Николаевичем? У меня молодая жена и не гоже меня старить перед ней. Это не порядочно! Не по-мужски! – на одном дыхании произнес Ребенок.

– Георгий, простите. Я не хотел Вас обидеть. У моего Рудольфа нет слов в этом спектакле. Я просто тащу сани с двумя толстяками...

– Что Вы мне тычете этими толстяками. Сядьте хоть на день на мое директорское место. Мне зарплату нужно всем вам артистам платить аккуратно и в срок, вне зависимости – толстяк ты или герой любовник. А где я наберу театральную нагрузку нашим толстякам кроме детских новогодних представлений? Премьера «Три толстяка» осенью с треском провалилась, сам знаешь какой позор был. А сейчас толстяки так разжирели, что уже в свой осенний реквизит толстяков влезть не могут. Скажи спасибо, что я третьего- самого главного толстяка, для компании тебе в сани не усадил. Их бы тогда дюжина оленей с места не сдвинула...

– Пусть главный толстяк Рудольфа играет. Быстро похудеет за праздники, – пошутил Степан, чтобы понизить градус полемики. – В конце концов любого грузчика с рынка можно взять по договору возить сани с толстяками. Любой за бутылку согласится, – уже серьезно предложил наш герой.

– Это что за преступная позиция по отношению к театральному мастерству! Актер должен донести характер своего героя будь то олень, червячок или волшебный камень. В этом загадка настоящего искусства – играть без слов. Со словами любой актёршишка сыграет, а без слов только великий актер.

– Поймите же Вы и меня! – прервал демагогию Ребенка Степан. – Мне нужно лететь в Москву. У меня появился шанс исполнить мою мечту – служить в Московском театре. – убедительно начал Степан свой, заранее подготовленный спич, но снова был беспардонно оставлен визгливым воплем директора.

– Шанс! Шанс! Шанс есть везде, кроме счастья в Иваново, если ты гей. Москва, Москва... У меня в театре ты получишь заслуженного артиста России в сто раз быстрее, чем в любом московском театре. Я тебе Степан помогу. Ты молод, талантлив. Я тебя собирался вводить в пять новых пьес в следующем году. Ты знаешь коми-пермяцкий язык, а это значит все дороги тебе открыты в национальные театры стран финно-угорской языковой группы. Что еще надо артисту? Шанс не бывает единственным в жизни. Это юношеские страхи. Так что забирай свое заявление и за работу. Дед Мороз и Снегурочка верят в тебя. Загадывай желание, и оно

непрерывно сбудется. Никуда твои шансы от тебя не денутся, – завершил Георгий длинную тираду, выдохнув тяжело из себя воздух и протянул Степану его заявление. Наш герой не шелохнулся и всем своим видом демонстрировал свою решимость.

– Самолет у меня завтра утром. Я не собирался с Вами обсуждать свой отъезд в Москву. Это вопрос решенный. Я хотел подписать заявление на отпуск или если Вы возражаете, то на увольнение. Я его тоже на всякий случай подготовил, – Степан протянул второе заявление директору.

– С теми людьми, кто не ценит добра, кто проявляет такую вопиющую неблагодарность, как Вы, Степан, я прощаюсь навсегда, но Вам, как молодому человеку я великодушно даю, как Вы выразились, шанс, – Георгий молча подписал заявление на отпуск и снова с оттенком актерского эпатажа громко и тяжело вздохнул, и посмотрел в окно, как будто он был сейчас на сцене в переполненном зрителями зале и ждал финальных аплодисментов.

Москва встречала Степана декабрьским умеренным бодрящим морозом, снегом, сереющим от грязи на обочинах дорог, и неповторимым запахом праздника – наступающего Нового года. Этот запах помнит любой русский с детства. Но у каждого человека он неповторимо свой – запах апельсинов, мандаринов, глинтвейна, елки, оливье, шампанского, гари от бенгальских огней и сгоревших петард... Иногда все эти запахи невероятным образом смешиваются друг с другом, вылетая на свободу из сумок москвичей, из продуктовых магазинов, ресторанов, из окон домов, превращаясь в неповторимый радостный аромат предпраздничной суеты, сливаясь с гомоном возбужденных торговцев, охваченных радостью и предвкушением долгожданных барышей с наивных горожан, ставшими детьми на время ожидания Нового года. Как это не странно зимняя предновогодняя суета не утомляет москвичей, а напротив вызывает в них невероятную потребность в душевном тепле и надежду на волшебные изменения жизни к лучшему.

" Этот Новый год перевернет мою жизнь. Я в этом уверен." – подумал Степан и сам себе улыбнулся. Ему показалось, что с первой минуты, как он ступил на столичную землю, вера в счастливое будущее в этой пока ещё чужой, но радостной предпраздничной Москве стала согрывать его изнутри невидимыми лучами наивной надежды.

Прервал его мысли громкий окрик молодого человека из толпы встречающих.

– Степушка! Что ж ты не сообщил номер рейса из Перми? Мне пришлось администрацию аэропорта напрягать, чтобы узнать твой рейс. Я же тебя решил встретить по-московски, гостеприимно. Девушка может уехать из деревни, а деревня из девушки никогда. Периферия ты, Степушка, периферия. Да и я периферия! Одни комплексы и никакой доброжелательности и ответственности друг перед другом, – весело, хотя и немного театрально произнес Евдоким Привалов и обнял Степана. Степан сразу узнал своего знакомого по фотографии с институтской доски почета, и немного растерялся от такого натиска дружелюбия от незнакомого человека.

" Как он меня узнал? " – удивился про себя Степан. – Ах да! Соцсети, болван! – догадался через секунду наш герой. Он не хотел, чтобы его встречали в аэропорту. Степан жаждал сохранить полную свободу, наполненную достоинством и независимостью, и только по заселении в гостиницу собирался звонить Евдокиму, чтобы договориться о встрече. Ан нет, тот исхитрился таки встретить в аэропорту и продемонстрировать свое столичное превосходство над периферией.

– Я в фейсбуке твои свежие фотки посмотрел. Соцсети это великое дело, брат. Это Москва и здесь можно заблудиться в водовороте пороков и страстей и самое главное легко себя потерять, – прочитав мысли Степана, все так же весело с легким налетом пафоса и философии поучительно произнес Евдоким, – ну и напротив можно найти себя и стать великим. Ты же мечтаешь в глубине души стать великим? – зачем то подняв указательный палец правой руки в небо, таинственно прошептал Привалов, и громко рассмеялся.

– Я бы сам добрался до гостиницы. Зачем беспокоиться? – сухо и слегка раздраженно, набычившись, произнес Степан.

В нем начинало возникать знакомое неуправляемое протестное чувство – то ли от московского рая, то ли от внешнего облика Евдокима – лоска ухоженного лица, модной прически, фиксированной дорогим гелем, сдобренной запахами изысканного английского парфюма. Даже элегантно черное модного пальто с золотыми пуговицами и яркий желтый кашемировый шарф тоже почему-то бесили нашего героя, а блестящие на морозном солнце черные пижонские ботинки с острым кожаным носом из комбинированной натуральной крокодильей кожи фирмы Балдинины смотрелись унижительным для него шиком. Многие проходящие мимо Евдокима девушки, напротив с интересом ловили солнечные зайчики успеха блистательного красавца, оборачивались и кокетливо пытались поймать его взгляд.

Степан изо всех сил пытался не подавать вида и скрыть свои эмоции, но в душе был уязвлен и унижен неподражаемым сиянием своего столичного знакомого. Он видел себя рядом с Евдокимом периферийным гадким утенком в своей затрапезной спортивной американской черной куртке с капюшоном и в изрядно подизносившихся зимних кроссовках. Степан чувствовал, как унижительно сливается с общим серым потоком спешащих пассажиров.

Справедливости ради Степан, не без труда для себя признал, что Евдоким объективно достоин иметь актерское амплуа героя- любовника в московском театре. Черты лица Евдокима были почти правильные. Большие карие глаза доминировали на его лице и очаровывали кокетливой смеющейся игрой. Губы и уши выглядели очень аккуратно и не отвлекали внимания от глаз. Открытая голливудская улыбка завораживала с первого взгляда, ослепляя девичьи сердца белыми, ровными зубами. Разве, что нос смотрелся слегка великоватым на его холеном лице, хотя небольшая горбинка на нем придавала облику Евдокима особую харизматичность с привкусом генетического аристократизма.

" Приеду в гостиницу сразу почищу зубы и сделаю отбеливание в ближайшей стоматологии»– подумал про себя Степан.

– Нам с тобой, мой друг Степан, следует хорошо подготовиться к смотринам в театре. Репетировать и действовать наверняка. Режиссёр настроен увидеть по моей рекомендации новую театральную звезду Москвы. Поэтому времени у нас мало и никакой гостиницы тебе не нужно. Остановишься на время у меня. Здесь стоимость гостиниц, брат, знаешь какая? Твоей Кудымкарской зарплаты хватит на две ночевки.

Евдоким элегантно открыл перед гостем дверцу почти нового белоснежного Аудио восьмой модели и усадив Степана на переднее кресло рядом с водителем бесшумно захлопнул ее. Затем плавной летящей походкой он допарил до водительской двери, приземлился игриво за руль, одел элегантно солнцезащитные очки Ray-ban в квадратной черепаховой оправе, включил романтическую музыку Берлиоза и ловко пристегнув ремни завел бесшумный двигатель.

Степан заворуженно наблюдал за Евдокимом и когда услышал с заднего сиденья мелодичный женский голос, от неожиданности вздрогнул.

– Меня зовут Лена! С приездом, Степан, в Москву – город грез и одиноких людей! Этот город, простите за банальность, слезам не верит, – пропела девушка

– Ой, Ленка! Права! Москва никому и ничему не верит. Заповедный гангстерский городок наша Москва. Здесь без жизненной организации не выживешь. Железный занавес после распада Советского Союза не исчез. Он передвинулся и разделил Москву и остальную Россию.

– Как сказал Кутузов: «Чтобы спасти Россию нужно сжечь Москву» – робко пошутил Степан.

– Самоожжение пока откладывается. Извини, Лен, забыл вас представить второпях – это наш гость – будущая звезда московской сцены – Степан Черепанов – ученик моего кумира Карпа Ивановича Прибухайло. Прошу нежно платонически любить и не жаловаться на отсутствие взаимности. А это, Степан, хочу рекомендовать: Лена – самая талантливая и недоступная красавица в мире. Она моя коллега по театру и девушка, которую я искал всю свою жизнь. Любимая ты что-то замерзла. Я растеряша, на автомате двигатель заглушил. Только сейчас сообразил. Сейчас сделаю печку потеплее. Прости меня, малыш.

Степан от растерянности кивнул головой в знак знакомства и обернулся, чтобы посмотреть на первую красавицу Москвы. Девушка не выглядела малышом. Ей на вид было около 22 лет. Рост и фигуру сложно было оценить, но было очевидно, что она была явно немаленького роста и обладала действительно изумительно красивым лицом, напоминающим топовых красоток киноиндустрии. Степан был сражен красотой новой знакомой. Он с юности обожествлял красивых женщин, не понимая по неопытности, что рай для глаз оканчивается всегда у мужчины чистилищем для кармана. Большие голубые, небесного цвета глаза с небольшими зелеными крапинками в радужках, источали внутреннюю гармонию и доброту. В них не было холода, но была загадка, которую хотелось разгадать. Какая-то недосказанность чувствовалось в ее взгляде и в самом слегка настороженном поведении. Невидимый крепкий замок защищал от прохожих двери в ее истинный мир. От этой девушки на Степана повеяло одновременно и энергией женского любопытства, и облеченным в бессознательное сексуальным влечением.

Степан пытался понять отношения его новых знакомых, но так и не смог разгадать эту незамысловатую загадку. Впрочем, Евдоким и Лена всю дорогу казались раскованными и весело обсуждали понятные только им театральные сплетни и интриги. Приятный низкий с легкой хрипотцой голос Лены возбуждал интерес Степана к этой девушке. Иногда их взгляды неожиданно встречались, и Степан читал в них приглашение к флирту. Может быть это только казалось ему, ведь в период любовной эйфории воображение часто выдает желаемое за действительное. Степан непонятно почему представил Лену в объятиях Привалова и внезапное чувство зависти охватило нашего героя. " Ну почему одним все и московский театр и красивые девушки, а другим Кудымкар и роль Рудольфа с красным носом, катающего по сцене двух бездарных толстяков».

– Зависть, Степан, это ржавчина души. Она съедает самые благородные человеческие порывы, – взглянув неожиданно на нашего героя произнес прозорливо Евдоким.

Степан густо покраснел.

– А это правда, что Вы, Степан, финский язык выучили, чтобы на национальном языке в театре играть? – переменяла тему Лена и кокетливо улыбнулась ему. Степан очередной раз обернулся, чтобы посмотреть на девушку и ему показалось, что он влетел в голубое облако ее глаз и растворился в обволакивающей неге ее обаяния и красоты. Говорят, что мужчина смотрит в глаза только после того, как изучил все остальные прелести женского тела, но встреча

Степана и Лены стала исключением из правил. Степан смотрел в глаза Лены, наполненными запахами голубого моря и чувствовал, что его наивный фрегат терпит первое в жизни крушение, столкнувшись с внезапной скалой любви, невидимой привычному навигационному оборудованию.

– Да, выучил коми-пермяцкий язык, можно сказать финский. Это одна группа финно-угорских языков. Язык это тысячелетнее творчество любой нации и изучив его ты познаешь мир народа – взволнованным голосом пояснил наш герой.

– Потрясающе. Да, Лена? Язык – творчество нации! – воскликнул Евдоким. – За неделю выучил в совершенстве язык...

– За месяц- смущенно произнес Степан

– И много вы языков знаете? – спросила Лена

– На пяти смогу говорить более или менее свободно, а так по моей методике за три месяца любой язык могу взять – хвастанул Степан.

– А вы меня обучите вашей методике? Английский надо подтянуть. Театр на гастроли в Лондон собирается, а я вроде все понимаю, но говорить стесняюсь. Боюсь выглядеть смешной, если забуду роль и скажу со сцены какую-то глупость, – улыбнулась девушка.

– Методика простая, – возбужденно начал наш герой, оказавшись в любимой теме. – Наш мозг мудрый. Он учит только то, что необходимо для выживания. Я ставлю мозг в состояние стресса подавая ему искусственно пять раз в день встречу с незнакомым языком. Например, утром полчаса слушаю изучаемый иностранный язык по радио, через два часа слушаю аналогично песни, потом через три часа речи политиков и так далее. Через месяц мозг понимает, что этот иностранный язык становится частью моей жизни и из чувства самосохранения перед его экспансией в мое повседневное существование включает программу принятия языка, направленную на ускоренный выход из создавшегося кризиса. Далее мозг самостоятельно, без усилия моей воли берет язык в обойму необходимых важных знаний и процесс изучения фантастически ускоряется. Моим напарником по изучению языка становится мой побежденный мозг. А мозг, как Вы знаете, это главный управляющий судьбой человека.

– Ты Степан большая видать умница, коль афоризмами сыплешь, как Аристотель. Гениально излагаешь про языки, но не для меня, как обыкновенного баловня судьбы. Мой мозг не дает уже много лет сигнал к готовности учить языки и не собирается похоже это делать и впредь, – весело поддержал разговор Евдоким, и притормозил, мягко остановив машину у двенадцатиэтажного дома на Мосфильмовской улице напротив знаменитой одноименной киностудии.

– Вот мы и дома. Хоть дом съемный, но уже наш родной с Ленкой. Из плохого только дурацкая ванная вместо второго душа... да что тут говорить, сам все увидишь.

Евдоким и Лена быстро вышли из машины и пошли к современному застекленному в стиле хайтек подъезду с сверкающими серебристым переливом железными перилами.

Степан с небольшим, но как он считал модным рюкзаком, набитым необходимыми вещами, неуверенно проследовал за хозяевами, оценивая пропущенные детали знакомства с Леной – красоту ее фигуры. Девушка демонстративно не без кокетливого умысла презентовала свои прелести миру с помощью модного короткого бежевого зимнего пальто, облегающего

привлекательную округлую выпуклую попу и произрастающие из нее стройные без модельной худобы ножки.

Евдоким неожиданно перехватил взгляд Степана, направленный на Ленины приятности и молниеносно изрек:

– Мужчина, Степан, любит женскими ножками и падает к ним, а женщины ценят в мужчине мозги и выносят их после замужества.

Наш герой густо покраснел.

– Да не смущайся ты так. Это естественный интерес – на одном декольте далеко не уедешь... – смеясь произнес Евдаким.

– Вы обсуждаете тему, как будто меня здесь нет – с кокетливым упреком произнесла Лена

– Лена, дай насладиться твоей статью. Ведь жизнь становится короче и короче, а ножки у девушек становятся длиннее и длиннее. Это, брат, мужская судьба и данность. Что здесь смущаться. Гордись, Ленка, нашими мужскими взглядами, пока молода и сексуальна.

Через минуту выйдя из лифта на втором этаже Евдоким открыл большим английским ключом массивную дверь орехового цвета и они очутились в милой современной съёмной квартире, похожей отделкой и чертами минимализма на трехзвездочный стандартный европейский отель со скучными блеклыми бежевыми цветами стен, портьер и серой мебели.

– Вот так мы и живем, Степан – проговорил с театральной легкой грустью Евдоким – В мире есть два типа квартир. Первый, который нам не нравится, но мы там живем, и второй тип, который нам нравится, но он нам не по карману. Комнаты две – гостиная совмещенная с кухней и спальня, два санузла. Туалет прямо по курсу. Кстати самое важное место для женщин.

– Почему для женщин? – удивился Степан

– Потому что в очереди в театральный туалет женщины проводят половину своей жизни. Так, вижу московский театральный прикол не зашел в голову провинциального актера. Видимо у Вас в театрах или женщин меньше, или туалеты больше. Тему закрыли. Так что милости просим – в тесноте да не в обиде. Ты на правах гостя занимаешь спальню, а мы с Ленкой в гостиной на диване свое ложе разобьем, – скомандовал хозяин квартиры.

– Не удобно как то Вас стеснять – для приличия сопротивлялся Степан.

– А со мной кто-то хочет посоветоваться, да и с какого таракана я должна с тобой спать? – возмутилась приятно для Степана Лена. – Предлагаю по-другому. Вы вдвоем по-современному, по-мальчишески спите в гостиной, а я одна в роскошной спальне. Вам о многом нужно поговорить, а мне еще роль нужно повторить в тишине перед сном. Завтра генеральный прогон.

– Как скажешь. Репетируй роль недотроги – притворно обиженным тоном произнес Евдоким. – Думал появился у меня наконец прекрасный повод затащить тебя в постель и тут ты вывернулась, стервочка моя. Ну уж эти коварные, обольстительные голубые глаза! Погодите! – добродушно рассмеялся Привалов.

Стол быстро накрыли на кухне, наметав на него курицу гриль, картошку фри, колбасу, сыр, соленья и салаты. Все это Евдоким как скатерть самобранка извлек из пакета супермаркета Перекресток. Пили виски и вино. Разговор в течении часа был о дороговизне жизни в Москве, о новых выставках и театральных премьерах. Затем Евдоким, изрядно повеселев от выпитого виски таинственно произнес:

– Оставил вам, друзья, на десерт хорошую новость.

– Я оптимист. Люблю хорошие новости. – воскликнул захмелевший Степан.

– Не называй себя оптимистом, Степушка. Люди могут подумать, что ты не умеешь читать новости в интернете.

Степан поморщился, не понимая, смеяться или обижаться, реагируя на эти слова.

– Снова шутка не зашла в пылливый периферийный ум – засмеялся Евдоким. – Видимо в Кудымкаре газет давно не читают. И так... – сделал паузу оратор, привлекая к себе внимание гостя и одновременно подливал виски в его стакан – К делу, мой юный друг! Я договорился с нашим режиссером Инокентием Поспеловым о твоей месячной стажировке в нашем театре, а затем будет творческий просмотр. Режиссер человек творческий и ищет таланты. А дальше, мой друг Степан, с Божьей и моей помощью ты – актер московского театра. Мы будем тебе с Леной помогать, вместе репетировать и дальше у тебя светлая дорога к звездам славы! Вот такая хорошая новость.

– Это невозможно! Целый месяц? – спросил пораженный Степан. – У меня отпуск закончится и меня уволят из театра.

– Мы все продумали до мелочей, старина. Больничный тебе купим. Город Москва – это большой грех – здесь даже болезни продаются. Пройдешь смотрины, гордо уволишься с провинциальных театральных помостов и начнется твоя большая столичная жизнь – премьеры, съемки в сериалах, слава, поклонницы.

– Вам бы только о поклонницах думать – засмеялась Лена, отпивая из бокала маленький глоток холодного белого вина. – Все, простите меня, мальчики, вам поболтать хочется, а мне пора грызть гранит новой пьесы.

Степану не хотелось отпускать эту чудную девушку спать, но приличие подсказывало сдерживать свои желания.. Будущая звезда, бравирова будущими успехами налил себе полстакана виски и залпом осушил его за здоровье и успехи Лены. Затем наш герой совсем охмелевшим взглядом посмотрел с любовью на сидящего в кресле Евдокима.

– По рукам, Евдоким! Пацан сказал – пацан сделал. – высокопарно, желая выглядеть крутым, не к месту произнес счастливый Степан.

Евдоким, внимательно наблюдая за поведением гостя, последовал его примеру и выпил виски.

Прятели в порыве нежности пожали друг другу руки и обнялись в пьяной эйфории дружеского блаженства.

– Откровенно я не собирался так долго задерживаться в Москве. – с видимым переживанием, краснея и плохо выговаривая слова произнес Степан. – у меня понимаешь ли могут возникнуть некие финансовые затруднения...

– Дружба, дорогой, мой друг, Степан, как и любовь – это высший смысл человеческой жизни. Дружба – это страсть, которая в отличии от любви не слабеет с годами. Я тебя выручу. Вот тебе на первый случай для личной свободы 20 тысяч рублей. Личная свобода, брат – это блаженство ни в чем себя не ограничивать и никого не бояться, особенно себя. Но деньги любят дисциплину и учет. – Степан протянул руку к своему портфелю и извлек из него старый еже-

дневник и аккуратно раскрыв его достал из кармана ручку, -здесь в нашей секретной записной книжке, для порядка, распишись в получении аванса. Через две недели у нас будет театраль- ный проект, где ты здорово заработаешь и легко отдашь.

Степан сначала хотел кокетливо отказаться от денег, но быстро передумал капризничать и сдался под напором доброты и простодушия своего нового друга. Он, не глядя в текст рас- писки залихватски поставил свою подпись напротив своей фамилии и суммы. Его немного удивило, что красивым женским подчерком была подготовлена эта расписка заранее до их раз- говора о проблемах с деньгами, но потом пьяный мозг обнулil возникшие сомнения.

Евдоким перехватил удивлённый взгляд гостя и благодушно улыбнулся, наливая очеред- ную порцию горячительного.

– Я многим одалживаю, братишка, деньги. Многие не отдают. Душа добрая. Поэтому и помогаю людям. Предвидел, что деньги тебе в Москве ой как понадобятся и подготовил все чтоб было в аккурате без ошибок по пьяни. Время, Степан, это невозполнимый ресурс человека, а время, потраченное впустую, убивает твою жизнь.

Евдоким достал из кармана четыре купюры по пять тысяч рублей и положил их на стол рядом с правой рукой гостя.

– Какой ты органайзер, Евдоким. Красивый, деловой, щедрый. Прямо все красиво в тебе... Любимый театральнй проект с тобой вместе для меня радость – произнес наш захмелевший герой, наливая от радости виски себе и новому другу и пряча деньги во внутренний карман пиджака. – Это счастье и честь для меня быть рядом с тобой, Евдоким Великий. Не зря так называли тебя наши педагоги. Не зря постоянно ставили нам в пример.

Евдоким, растроганный речью гостя, обнял Степана и затем аккуратно положил ежеднев- ник на место, закрыв портфель на застежку. Наш герой был окончательно сломлен простотой и чувствительностью Евдокима, поэтому прекратил контролировать свои эмоции и мало пони- мал суть происходящего.

– У меня, Степушка, две недели подряд завал – днем репетиции, а вечером спектакли, а у Ленки всего одна утренняя репетиция завтра и все, так что она покажет тебе город и сделает из тебя столичного жителя. Экспресс-курс молодого москвича, можно сказать.

– Ленка у тебя класс – произнес с трудом Степан, повалился без сил на диван и заснул мертвецким сном.

Две недели пролетели для Степана в каком то эмоциональном запое новой столичной жизни. Красивая девушка, походы в театры, кино, рестораны, ночные клубы. Есть две радо- сти в человеке давать и брать, так вот это было счастье дарения радости прекрасному чело- веку Лене, которую он возможно уже по-настоящему любил. Были и пустяковые неудобства в праздной жизни – за это время пришлось трижды одалживать деньги у Евдокима, но это все было деликатно и по-братски, от всего сердца, что не вызывало никакого внутреннего напря- жения или неудобств. Евдоким любил рассказывать один и тот же анекдот про долги, когда у выигравшего миллион в лотерею молодого человека спросили журналисты: «Как Вы распоря- дитесь этими состоянием?» На что молодой человек не раздумывая ответил: «Отдам долги». «А остальные?» – не унимались репортеры. «А остальные подождут!» – отвечал невозмутимо везунчик.

Правду сказать, Степан не на шутку увлекся Леной. Будучи каждый вечер рядом, он стал очаровываться этой красивой девушкой и с гордостью отмечать взгляды мужчин с завистью глядевших в его сторону. Такого рода зависть всегда приятна мужчинам и способствует, как запал, разгоранию страсти в честолюбивых душах. На спектаклях и в кино, сидя в темном зале, Степан, как школьник, брал маленькую ручку Лены в свою большую ладонь и был по-детски счастлив, за то, что её ладонь оставалась в объятиях его пальцев до конца представления. В эти минуты его мужское начало испытывало волнение и мысли улетали в запретные дали чувственных мечтаний об их близости. Степану казалось, что он стоит на пороге большой вечной любви, за которую можно отдать все и даже жизнь...

Лена, казалось, тоже была увлечена новым другом, но тщательно скрывала свои чувства. Ей было весело с этим привлекательным наивным молодым человеком, обладающим бесспорными талантами. Без сомнения, они обогащали своим общением жизнь друг друга. Днем Лена репетировала со Степаном отрывки пьес для творческого просмотра, а после репетиции Степан с энтузиазмом делился с ней своей методикой изучения английского языка. «Любовь, это не только симпатия и страсть, но и общие интересы, обостряющие восхищение и влечение друг к другу» – вспоминал он мудрые слова отца.

Перед сном Степан, как настоящий влюбленный, не мог заснуть, рассуждая: «Если она отказалась спать в одной кровати с Евдокимом, то может быть у меня есть шанс?». Затем он засыпал и ему виделись яркие причудливые картины их любви на фоне морского заката, который почему-то подсвечивался грозowymi тучами. Поистине, сон – это единственное время в жизни человека, когда он свободен, умеет летать и предвидеть будущее.

Лена тоже, как ему казалось, смотрела на Степана с интересом и одно было неоспоримой правдой – им вместе было занимательно и весело.

Евдоким возвращался со спектаклей поздно вечером вымотанный и погруженный в свои мысли, он начинал ужинать равнодушный к рассказам о праздных удовольствиях своих друзей. После ужина Евдоким со вкусом выпивал рюмку коньяка и ложился спать, с удовольствием отпуская "молодежь зажигать в ночных клубах".

Вместе с завершением новогодних праздников оканчивался сумасшедший для театра шквал праздничных спектаклей. Евдоким, наконец получил отгулы и выходные, и неожиданно – без объяснения и повода пригласил Степана в недорогой тихий семейный ресторан «Старик и море» на Чистых прудах. Лена осталась дома, сославшись на плохое самочувствие.

– Ну как Москва? – спросил Евдоким уставшим, от театрального марафона голосом, безразлично рассматривая меню. Как меня задолбало это рабское зарабатывание денег. Каждый рубль, как удавка унижения. Нельзя Степан ждть денег – нужно идти к ним навстречу. Пришло и нам время действовать. А ты я вижу прямо сияешь от счастья. Ну что, есть где потратить деньги в Москве?

– Да, Москва это не город, а праздник! Я так тебе, Евдоким, благодарен за все... И Лене конечно... – Степан почему то вспомнив Лену покраснел и отвел свои глаза в сторону.

– Тратя деньги на ненужное ты отпугиваешь их от необходимого. Ленке вбиваю эту истину, но все без толку. Праздник ей в жизни нужен. Хоть убей! Праздник, Степан, стоит больших денег, если он конечно не ликует сам по себе в твоей душе! Кстати, сколько ты мне уже задолжал? – неожиданно с металлом в голосе спросил Евдоким, раскуривая кальян и беспар-

донно пуская густые, едкие клубы ароматного дыма прямо в лицо Степана. В голосе Евдокима появились незнакомые доселе для Степана жесткие нотки пренебрежения и высокомерия.

Степан, не ожидая таких перемен в отношении к себе растерялся. Глаза слезились, голова кружилась от дыма, легкий нервный озноб пробежал по всему телу, сигнализируя об опасности. Степан нервно полез в карманы своих брюк, ища бумажник, не осознавая, что денег в нем нет.

– Да не дергайся ты так, как истеричка! Не морщи свою задницу, Степан, вспоминая долги! Деньги – это обязательства, которые нужно помнить наизусть. У меня все твои расписки аккуратно под рукой и все подсчитано. Ты должен мне, Степан, 260 тысяч рублей и это всего три недели праздной красивой жизни с красивой девушкой. Кстати, Ленку ты прям влюбил в себя, Кудымкарский Казанова, и я похоже обзавелся ветвистыми рогами. – Евдоким театрально изобразил волнение и набравши побольше дыма из мундштука, как снаряд пустил его в лицо собеседника. – Кстати, рога у мужчин как зубы у ребенка – болят только тогда, когда режутся, а потом не болят. Хоть бы что растут себе и растут. Ты не переживай так, лупоглазый. У меня рога с Ленкиным влюбчивым темпераментом давно прорезались и уже не болят. А я, благородная душа все равно люблю ее, хоть рога и мешают иногда в дверной проем входить. – Евдоким очень громко рассмеялся не обращая внимание на осуждающие взгляды публики в ресторане.

Степан вытер слезы бумажной салфеткой и молча покраснел.

– У нас ничего не было с Леной, честное слово, а деньги я отдам! Ведь у нас скоро начнется театральный проект... – первым прервал паузу наш герой.

– Да... Театр, театр пристанище пороков. Слушай меня, Степан, внимательно и молчи. Ни одна живая душа в мире не должна знать о том, что я тебе скажу. – жестко произнес Евдоким, глядя пристально в глаза своему гостю.

Степан видел перед собой незнакомого человека. Это был чужой Евдоким, который полностью управлял его волей, которому с этой минуты он вынужден будет подчиняться во всем.

Глава 3

Обман – это манящее искушение!

Искушение быстрого достижения мечты.

Обман – преданный раб страха.

Обман манит своей легкостью,

Обман манит своей безнаказанностью.

Февраль... Самый холодный месяц в Москве. Морозно, быстро темнеет и можно наслаждаться своим плохим настроением.

Можно любить зиму и иметь теплое доброе сердце, а можно любить лето и иметь вместо сердца кусок льда, – вспоминал Степан слова отца, прозвучавшие в его голове, как весточка из прекрасного и уже далекого прошлого. Наш герой не чувствовал свое сердце и не замечал холода. Он сидел одиноко на промерзшей скамейке в парке Сокольники в потертой коричневой дубленке и спортивной шапочке клуба Динамо, нелепо сбившейся в сторону замерзшего правого уха. Руки, похожие на безжизненные плети, свисали между коленями и транслировали своим жалким видом целую гамму чувств: страха, бессилия, обиды и глубокой душевной боли,

наполняющие сознание их хозяина. Вокруг скамейки не было ни души и только суетливые и голодные голуби оживляли безмолвие этой пустынной парковой аллеи, пытаясь по привычке найти себе корм у опустевших грустных скамеек. Степан глубоко дышал ртом, выпуская густые клубы пара, похожие на кальянные облака дыма. Непрошенные слезы наворачивались на его глаза, создавая вокруг размытый сюрреалистический пейзаж с причудливыми очертаниями обездоленных заснеженных деревьев, уродливых, законсервированных фанерой аттракционов, безжизненных летних беседок и кафе, предательски брошенных людьми, ищущих в зимнюю стужу тепла в своих уютных квартирах. Степану, казалось, не хватало кислорода в московском морозном воздухе, чтобы надышаться и заглушить в себе приступы паники, возникающие, как штормовые волны, от его свежих воспоминаний. Эти волны формировались где-то в глубине сердца от огромного душевного потрясения и наполняли все его тело нервной дрожью. Степан понял, что замерзает и с трудом оторвавшись от холодной скамейки, как дряхлый обессиленный старик побрел, волоча окаменевшие от холода ноги в направлении метро Сокольники, прокручивая в голове страшные подробности своей новой жизни в Москве.

После недавнего неприятного разговора с Евдокимом о деньгах и долгах вся жизнь Степана в Москве коренным образом изменилась и превратилась в сущий ад. Москва сбросила с себя лживые маски города счастья и превратилась в холодный, коварный и бездушный мегаполис, цинично признающий исключительную силу денег и успеха. Степан в романтической эйфории вседозволенности не заметил, как встал на опасный путь, подготовленный для него искусным интриганом Евдокимом. Только сейчас он осознал, что попал в какую-то жуткую канаву с нравственными нечистотами, в которую его ввергли не только Евдоким, но и давние союзники – самоуверенность и тщеславие. Степан убеждал себя, что это первый и последний театральный эксперимент такого жуткого криминального жанра в его жизни. Он даже ещё накануне этой аферы думал тайно уехать, точнее сбежать из Москвы в спокойный и безмятежный Кудымкар, где его любят и ждут. Сбежать от его новых друзей, от позора и нравственного падения, сбежать от себя, но... но долги, большие долги приковали его к мегаполису тяжелыми кандалами, освободиться от которых без Евдокима наш герой уже никак не мог.

Впрочем, признавался себе Степан, виноват в этом падении по большому счету был только он сам и его жадный до славы характер. А Евдоким... что Евдоким? Каждый играет в жизни свою игру. В жизни, как в хоре – есть голос, поешь, нет – подпеваешь. Евдоким блестяще играл свою роль благородного рыцаря. Он как всегда держал свое слово во всем и всегда. Перед тем роковым днем он организовал показ Степана режиссёру театра и нашего героя приняли в труппу стажером с испытательным сроком один месяц. Оклад назначили 15 тысяч рублей в месяц. Отдавать долги с таким денежным довольствием, даже если питаться только эмоциями счастья от нахождения в актерском цеху, было невозможно. Москва не сразу строилась – произнес Евдоким, поздравляя Степана с таким успехом. Сроки долговых расписок неуклонно приближали нашего героя к роковому дню расплаты, и он чувствовал, как Евдоким уверенно и бескомпромиссно держит поводья его судьбы, мчащейся по дороге, проложенной Приваловым. Он вел Степана, как глупого ослика – для совершения понятных только его новому погонщику чудовищных планов.

Первое представление «Театра Жизни» было вчера, а сегодня вечером друзья втроем сидели за ужином на кухне в теплой квартире Евдокима и праздновали победу. Степан пытался согреть свое промерзшее в парке тело, закутавшись в теплый плед.

– Что ты задумался Степан с вселенской грустью еврейского народа на челе? Счастливым или несчастным человека делают исключительно его мысли, а не события, произошедшие с ним. Как смотреть на свою жизнь, так и будешь себя ощущать. Вот я, например, абсолютно счастлив и хочу сегодня надраться по случаю триумфа первого в мире театрального экспери-

мента! Ура! – разливая холодное шампанское по хрустальным бокалам высокопарно произнес Евдоким.

Наш герой молчал и жадными глотками пил леденящее сознание шампанское, пытаясь притушить им огонь душевных переживаний. Хотелось бежать от себя и высказать кому-то свои терзания. Может, Лене... Нет!

Степан после случившегося не мог смотреть в глаза Лене. Ему как нашкодившему школьнику было стыдно за себя и за свой новый "театральный триумф" перед всеми – перед родителями, перед Леной и даже перед Карпом Ивановичем. Ему отчетливо виделось, что эта прекрасная девушка Лена в глубине души осуждает его. Да! Да! Осуждает, но вынуждена в силу жизненной зависимости от Евдокима и своей природной женской мягкости подчиняться, как и он, планам главного режиссера криминального проекта. Наверняка она так же, как и он, попала в финансовую кабалу этого жуткого коварного монстра. Лена слабая, наивная девушка, а Евдоким дьявол. Степан знал, что Лена приехала покорять Москву из Тамбова и из-за своей провинциальной открытости поверила этому хитроумному актеришке и теперь вынуждена, как и Степан, участвовать в реализации его гнусных проектов. «Но что же делать? Как вырваться из этой западни? Конечно только вместе с Леной! Я должен спасти ее! Мы должны покинуть этот страшный пиратский корабль, несущийся под полными парусами в кромешную тьму пороков и преступлений. Лучшего бы я остался на всю жизнь в Кудымкаре и играл бы там оленя и таскал на санях толстяков».

Об этом Степан угрюмо размышлял, нервно сдавливая пальцами тонкую ножку бокала с шампанским. Тем временем Евдоким, не обращая на него никакого внимания, находясь в эйфории победы, самодовольно смакуя маленькими глотками колючее шампанское вытащил из бумажника внушительную пачку знакомых Степану купюр и стал их аккуратно пересчитывать. Это явно приятное для него занятие не мешало Привалову одновременно по-актерски возвышенно и громко вещать.

– Друзья, мои! Мы сегодня открыли настоящую театральную экспериментальную мастерскую. Нет, я не прав – это не просто творческая мастерская, это настоящий театр, который вдохновляет зрителя своим кошельком голосовать за наш актерский талант. Здесь нет обмана зрителя, здесь нет рекламной трескотни, устроенной ради продажи билетов, здесь нет разочарований зрителя от бездарного спектакля. Эти деньги, друзья, – Евдоким сделал паузу и театральным жестом указал на пачку купюр, затем улыбнулся, и продолжил – эти деньги, друзья, это не деньги. Это цветы истинных поклонников. Цветы – это признания, искренность, объяснение в любви, почитание. Поверьте, мне! Новеллы нашего театра – это бесценные тома, которые войдут в историю развития театрального искусства...

Степан, захмелев уже не в силах был вынести этого циничного словесного бреда.

– Прекрати, Евдоким! Прекрати юродствовать! Думаю, что скоро мы все и наш театр в частности войдем в тома уголовного дела, а нам придется отсиживать сроки и уверяю вряд ли наши поклонники и зрители будут носить цветы в зону. Они все будут проходить свидетелями по нашему уголовному делу и ходатайствовать о максимальном сроке заключения – возбужденно произнес Степан, глядя на аккуратно сложенные в стопку купюры.

– Какое уголовное дело здесь может быть? – неожиданно очень мягко заворковала Лена, подойдя к Степану и поцеловав его нежно в щеку. – Ты гениальный актер. Мы действительно пошли на смелый эксперимент, но наш театр как справедливо говорит Евдоким настоящий. Это же очевидно, что актеры зарабатывают деньги на своем таланте. Так устроен мир. Не мы придумали эти проклятые денежные знаки. Но давайте посмотрим правде в глаза и спустимся с романтических небес на нашу, пораженную прагматизмом и развратом землю. Разве мы достойно такого нищенского вознаграждены за наше служение театру? Я уверена мы достойны большего. Что нам делать? Вот мы и проводим театральные эксперименты по выживанию, причем не воруя деньги у государства! Мы получаем вознаграждение сугубо на добро-

вольной основе рыночным способом от людей, честно пополняя свои доходы за свои недооцененные государством таланты. Я молодая, красивая, я должна блистать. Разве я достойна такой судьбы? Но только реальность жестока. Кругом нравственная коррупция. Вырваться таланту на сцену без унижения невозможно. Я не хочу спать за главные роли с хромым старым режиссером и наслаждаться вонью изо рта от гнилых, прокуренных зубов. Я не хочу интриговать, идя по головам и ломая судьбы моих коллег. Поэтому я проголосовала за совесть и честность – за здоровый авантюризм нашего Театра Жизни. Мы не крадем сюжеты у классиков, не паразитируем на модных пошлых современных псевдоспектаклях. У нас свои сценарии экспромта и наши зрители участвуют в спектакле и оплачивают наше искусство не по нашей просьбе, а исходя из своих искренних эмоциональных порывов и материальных возможностей. Если убрать чистоплюйство, то мы создаем самый честный театр в мире, друзья! Я так счастлива! Я предлагаю тост этим искристым шампанским за открытие первого в мире «Театра Жизни»! Ура!

Спич Лены, как это не странно показался Степану совершенно искренним.

– Вы так действительно думаете? Вы шампанское пьете или ненароком наркотой ширнулись, а про меня забыли? Друзья вы оба сумасшедшие!!! -воскликнул Степан – или вы меня за кудымкарского идиота держите? Друзья, проснитесь! Это не Театр Жизни! Это не творческий эксперимент. Это от 12 до 20 лет лишения свободы. Это мошенничество в особо крупных размерах с созданием организованной преступной группировки! Мы, как цыгане, нагло обманываем честных людей, вводим их в психологический транс и интеллигентные наши жертвы, не понимая, что творят отдают нам свои деньги... Мы жулики и проходимцы...

– Стоп. Стоп. Стоп. – резко перебил Степана Евдоким. Он встал, аккуратно поставил свой бокал на стол, принял театральную позу и простодушно снисходительно улыбнулся.

– На каждого простака в мире найдется ловчак – по твоей терминологии жулик. Ты откуда попал в этот мир Степан? Миром правят только жулики и это было и будет всегда. Это борьба за местом под солнцем, и она бескомпромиссная. Дьявол всегда будет победителем. Он творит действие на земле и не стесняется содеянным.

– Ты прямо наш Воланд, Евдоким! – засмеялась Лена

– Чтобы о Воланде говорить нужно стать Маргаритой. Вы все играете в чистоплюйство и смотрите под ноги, не желая видеть ничтожество, управляющих этим миром. Честный человек ленив по своей природе, купаясь в лучах своих нравственных иллюзий, а жулик и вор – это новатор. Он ловчит, чтобы выиграть в жизни. Воланд дал ему способность править миром. Так давайте используем этот наш природный дар, а не будем превращаться в рабов со свечками в храмах, надеющихся не на себя, а на Господа.

– А сказано крепко! – восхитился Степан.

– В театре мы разве не обманываем зрителя? Театр это по сути бессовестная продажа иллюзий и эмоций. Театр – это вотчина Дьявола и мы все его слуги, ибо, обманывая бедного нашего праведного зрителя, который платит нам деньги мечтая уйти от реальности мы делаем его рабом иллюзий – нашим рабом. Рабы бегут от одиночества цифровой цивилизации в наш дьявольский капкан, ища человеческие эмоции в иллюзорном действии. Замечу не заглядывая в свою душу, а лениво потребляя наши развратные нравственные суррогаты. Хочу особо отметить, что у зрителя нашего новаторского театра всегда есть выбор – платить или не платить. Это ли не самый честный театр в мире? Теперь об этой мерзости уголовки, которой ты нас с Леночкой запугиваешь. Сейчас же Степан, дорогой мой друг, ответь мне на вопрос, только честно ответь. Когда на площади артисты выступают и потом с шапкой обходят зрителей это преступление?

– Нет, но ведь... – потеряв нить мысли оратора, засомневался Степан

– Стоп ты сам сказал – «Нет». Лена он сказал, что это не преступление бродяжничать среди толпы и вымогать с шапкой деньги. А мы Степан напротив не бродяжничаем и не просим

денег, и ты обвиняешь нас в преступлении? Мы не просим деньги никогда. Нам их насильно впихивают в знак благодарности. Или я вру Степан? Это правда, что главный принцип, о котором мы на берегу договорились никогда не просить денег, а напротив отказываться от них и брать только тогда, когда тебя умоляют взять вознаграждение?

– Да – нехотя согласился Степан – но мы обманываем людей... – совсем не убедительно пролепетал захмелевший Степан под натиском аргументов.

– Смешно Лена, забавно наш друг Степушка говорит об обмане. Весь мир это обман. Театр – это фабрика по производству обмана и значит всех артистов планеты Земля по мнению Степана нужно арестовывать прямо на сцене, как мировой синдикат слуг Дьявола и как злостных аферистов сажать в тюрьмы. Завтра, Лена, всем коллективом театра по рекомендации Степана сдаемся в Прокуратуру и будем просить суд скостить срок заключения до 12 лет за добровольную явку с повинной. – театрально размахивая руками прокричал изрядно пьяный Евдоким.

– Тише, Воланд, соседи услышат и прибегут на наш шабаш – засмеялась Лена – думаю все всем ясно. Мы сегодня провели наш театральный эксперимент, и зритель проголосовал рублем за талант будущего народного артиста России Степана Черепанова! Ура! Я пью шампанское за тебя, наш герой!

– Я не дьявол! Я падший ангел, разбивший свою душу вместе с этим падшим в безумие миром! А за тебя, Степан, я сейчас же накачу стаканчик любимого виски, который делает прогнившее пороками человечество немного счастливее! – произнес со слезами на глазах растроганный Евдоким.

– Заметь пью виски после шампанского. Это в московской актерской среде особый знак почитания! За твой талант Степан и это я говорю без иронии, без лести. Только искреннее восхищение! Смотри Степан какая чудесная арифметика – за один спектакль наш театр заработал на троих 90 тысяч, рублей. Делим все честно, как ранее договаривались. 20 тысяч это Леночке за сценарий и грим, 30 мне как художественному руководителю и главному режиссеру и 40 тысяч тебе Степан, как исполнителю главной роли. Половину из твоего гонорара Степан я забираю за долги и в итоге получай свои честно заработанные 20 тысяч рублей. И это замечу за один пробный спектакль! Расценки Голливуда! Если так лихо дело у нас пойдет, то через 14 спектаклей Степан и со своими долгами покончит, да еще 280 тысяч рублей чистыми зарабатывает. А там поверьте друзья мы развернемся по-крупному, и наши зрители будут давать нам миллионы. У меня уже есть гениальный план! Мы превратим через год Театр Жизни в самый преуспевающий театральный проект в мире! А теперь, мы с Леной все во внимании. Расскажи Степушка о своем вчерашнем триумфе! Жаль, что мы не могли быть рядом и лицезреть твой звездный час.

После этих теплых, пронизанных признанием и любовью дружеских речей, Степан почувствовал душевное облегчение и даже некую гордость за себя. Действительно Евдоким прав – миром правят сильнейшие. Он положил деньги в карман, налил себе виски и без тоста, не закусывая выпил полстакана янтарного напитка. Впервые за весь вечер он расслабился и улыбнулся. История началась вчера, когда Степан с большим внутренним напряжением набрался сил и позвонил первому клиенту театра, которого каким-то хитроумным образом нашел Евдоким для проведения пилотного эксперимента.

– Катя, ты не представляешь, как я рад этому мистическому звонку из прошлого. Это бывает один раз в жизни – такой поток энергии воспоминаний в одну минуту ворвался в мою душу из прошлого – это весточка от отца, пришедшая с небес. Поистине наше прошлое – это родина нашей души. Великий Гейне в порыве своего бессмертия изрек эту мысль мне кажется

специально для меня. Какое счастье, Катенька, родная! Хочешь я тебе подробнее все расскажу об отце? – воскликнул Иван Тимофеевич.

– Ваня, ты снова уходишь в свои фантазии. Мистика всего лишь таинственное отражение твоей реальности. Ты мне третий раз, Ваня, за вечер эту историю пересказываешь, а за нашу совместную жизнь не счесть сколько раз. Ты давно живешь в своем прошлом. Ложись спать, милый, и хватит на сегодня горячительного. Завтра на работу не свежим пойдешь. – заботливо произнесла Екатерина Сергеевна и деликатно убрала недопитую бутылку водки со стола в бар. Она с любовью посмотрела на мужа, и поймала его грустный нежный взгляд, обращенный в ее сторону. «Какие глаза! – подумала Екатерина Сергеевна – они все так же блестят, как в юности, а ему уже пятьдесят. Как можно сохранять такую детскость в восприятии мира. Уже полысел, а в душе мальчишка. Где эта знаменитая Ванькина шевелюра, по которой сохли все однокурсницы? Все в прошлом! Время – великий учитель, но оно не щадит своих учеников. Удивительно другое. Казалось бы, годы порезали морщинами лицо, придали походке усталую сутулость, а глаза-то годам неподвластны -все так же поразительно и дерзко источают свет озорной юности. Через глаза душа у твоего Ивана светится – говорят часто подруги».

Иван Тимофеевич заметил нежный взгляд своей половины и замолчал от счастья. «Какую красавицу я себе отхватил, – подумал он, – статная, гордая, умная, чувственная. Женщина мечты. Как мне повезло в жизни.

Иван Тимофеевич не мог сегодня не выпить водки даже несмотря на неважное самочувствие, связанное со скачками давления. То ли активность солнца, то ли симптомы старения сосудов вызывали у него в последнее время резкие приступы мигрени. Будучи генеральным конструктором ведущего столичного научно-исследовательского института авиастроения Иван Тимофеевич с юности и по сей день по привычке часто работал по ночам. Озарение сложных технических решений посещало его в полной ночной тишине. Около трех часов ночи начинались резкие боли в голове, от которых он просыпался, переполненный новыми идеями. Единственным лечебным средством от этих болей было сесть за рабочий стол и изложить технологические откровения на бумаге. Боль, по мере изложения идей, постепенно стихала и под утро изнеможенный, но счастливый он засыпал на несколько часов, а в восемь утра, как мальчишка, уже мчался на любимую работу.

За многие годы работы в конструкторском бюро все было налажено как часы и подчиненные действовали слаженно в устоявшемся десятилетиями алгоритме управления – планерки, совещания, дискуссии, мозговые штурмы, опытные испытания узлов и наконец самое главное – испытательные полеты на новых самолетах. Но сегодняшний день выдался для Ивана Тимофеевича особенным и незабываемым, без преувеличения судьбоносным. Эта удивительная история началась правда еще вчера, когда секретарь Таисия, работающая с ним уже больше двадцати лет и понимающая что важно, а что, нет, неожиданно сообщила тревожным голосом, что с ним хочет встретиться боевой друг его отца летчик-испытатель Николай Васильевич Песков.

Иван Тимофеевич не поверил своим ушам и переспросил: «Николай Васильевич Песков? Он разве жив?». Это было невероятно! Иван Тимофеевич даже покраснел от волнения, в затылке неприятно и холодно заломило. Он, как учила его жена выпил холодной воды, положил валидол под язык, закрыл глаза и опустил в мягкое обволакивающее тело черное кожаное кресло, которое по преданию заключала в свои объятия ещё великого генерального конструктора космических аппаратов – Сергея Павловича Королева.

Неожиданно Иван Тимофеевич перенесся из кабинета в свои детские воспоминания, когда ему было не более шести лет. Мама, сидя на диване показывала сыну большую портретную черно-белую фотографию летчиков испытателей, двух закадычных друзей – его отца, полковника Тимофея Привезенцева и подполковника Николая Пескова. На фотографии они стояли в обнимку около первого реактивного советского самолета четвертого поколения МИГ-31, и их лица светились лучезарными улыбками, наполненными гордостью за свою страну, спо-

собную создать лучшую мире крылатую машину. Звезды Героев Советского Союза на кителях тоже как будто вторили своим хозяевам, улыбаясь ярким блеском от ласкающих их лучей солнца.

Мама в детстве часто рассказывала Ване о Николае Пескове. Иногда она называла его даже братишкой, так как более близкого друга в семье не было. Николай трагически потерял сына при родах и его жене был подписан приговор: бесплодие. Будучи в гостях он часто нянчил Ванюшку и какая то скорбная грусть наполняла его глаза. В этот момент он прижимал Ваню к себе так нежно, что всем присутствующим становилось не по себе и папа наливал ему рюмку водки со словами

– Водка враг народа, но советский народ врагов не боится.

Они выпивали, отец брал гитару и начинались задушевные песни о войне, о летчиках, о дружбе. Жизнь подобна струне гитары – она неожиданно обрывается от внутреннего напряжения.

Через пять лет дядя Коля развелся и струна его счастливой жизни разорвалась у нас на глазах. Он был не в состоянии простить измену его страстно любимой жены с штабным генералом. Даже водка не спасала от боли раздирающей на клочки храброе сердце летчика. В этот же злополучный год при выполнении испытательного полета героически погиб отец. Он отказался подчиниться команде руководителя полета и не катапультировался. Отец до последней секунды пытался спасти крылатого друга и посадить его на посадочную полосу. Все летчики считали, что причина аварии скрывалась не в дефекте двигателя, а в халатности главного механика, не подготовившего должным образом машину к полету. Виновные в аварии государственной комиссией не были выявлены. Подполковник Песков без промедления в знак протеста написал рапорт об увольнении из отряда летчиков-испытателей. Он всегда был максималистом и не выносил несправедливости. На следующий день он внезапно исчез из военного городка. Ходили слухи, что он воевал в горячих точках, ища свою погибель. Долгое время дядя Коля посылал маме денежные переводы из разных городов страны и не звонил. Он превратился в какого-то мифического фантома. Потом неожиданно он исчез. Офицеры судачили, придумывая всякие небылицы, что дядя Коля погиб в Африке, спился, застрелился, разбился на машине и даже постригся в монахи на Соловках. Прошло сорок лет и вдруг этот неожиданный звонок. Звонок из детства, звонок из мира отца...

Всю ночь Иван Тимофеевич охваченный воспоминаниями детства ворочался на диване в своем кабинете, пытаясь заснуть. Воспоминания – это не только богатство старости, но и единственный способ продлить жизнь ушедших близких людей. Какой он сейчас дядя Коля? Что расскажет ему об отце?

Телефон мелодично сообщил, что Ивану Тимофеевичу пора открыть глаза. Валидол принятый перед сном помог немного успокоиться и даже фрагментарно погрузиться в сон, но волнение от предстоящей встречи и легкое головокружение от беспокойной ночи даже утром не покидало его. Сон единственное богатство человека, когда он поистине становится свободным.

«А сейчас пора собираться на работу. Нас ждут великие дела!» Так каждое утро говорил после сна Иван Тимофеевич, заряжая себя энергией с глотками ароматного кофе.

Сегодня был вторник и по установившейся традиции первое совещание Иван Тимофеевич проводил с летчиками-испытателями. Коллеги в шутку дали ему кличку " генеральный летчик" за его мальчишескую любовь к небу. «Небеса – это магия неизведанных смыслов и парение человеческих душ» – философствовал генеральный конструктор и никогда не упускал возможности вторым номером поучаствовать в финальных испытательных полетах. Он утверждал, что генеральный конструктор должен слышать мелодию двигателя в полете, чтобы точно понимать ту ли песню, которую закладывали в нем конструкторы поет железный бас.

Таисия – поистине не ассистент, а бизнес-ангел – неслышно впорхнула в кабинет и перед глазами Иван Тимофеевича появилась записка "Ваш гость забыл паспорт, и мы не можем его пропустить на завод из-за режима секретности."

– Дядя Коля! – подумал раздраженно генеральный конструктор – какой же формализм: Героя Советского Союза на военный объект не пустить. Но возмущаться было себе дороже – служба безопасности свою работу делает тупо и без компромиссов. Так подобает работать с гостайной. Государственная тайна исключений не любит. Безопасность не должна опираться на благородство людей.

– Проводи Таисия моего друга в домик для приема гостей. Угощай всем, что пожелает. Я через полчаса закончу совещание и прибегу – тихо прошептал он предусмотрительно нагнувшись к нему Таисии.

Иван Тимофеевич был так взволнован, что непроизвольно свернул совещание на пятнадцать минут раньше обычного и быстрой молодежкой походкой направился в Дом приема гостей.

Открыв дверь торжественного зала, обставленного галереей макетов самолетов конструкторского бюро Иван Тимофеевич увидел дядю Колю! Он стоял, опираясь на старую истертую временем деревянную трость, пытаясь казаться элегантным и рассматривал самолеты. Боже как меняются люди! Гость обернулся на звук открывшейся двери и сделал неуверенный шаг в направлении Иван Тимофеевича и в нерешительности остановился. На него смотрел не бравый летчик с маминой фотографии, а жалкий, несчастный 80-летний старик. Блестящий засаленный на локтях обвисший не по размеру на плечах старомодный коричневый пиджак, рубашка в клетку с заношенным воротничком, черные не глаженные брюки с пятнами от грязи вызвали у Иван Тимофеевича каскад чувств. Это были и чувство жалости к старику, и чувство вины за свою обеспеченную жизнь. Он явственно стал осязать давно забытый пронзительный запах бедности послевоенного детства. «Самое верное средство быть бедным человеком – оставаться честным» – сказал Наполеон о таких людях, как дядя Коля.

Иван Тимофеевич внимательным взглядом полным боли, восхищения и радости рассматривал дорогого гостя. Несмотря на морщинистое лицо и седую неопрятную бороду из-под густых брежневских бровей на него смотрели удивительно молодые жгучие карие глаза дяди Коли. Конечно Иван Тимофеевич не мог помнить друга отца, но сейчас ему показалось, что сквозь пелену детства из его памяти всплыл образ героя. Конечно же это дядя Коля, родной мой человек. Мама год не дожила до этой встречи. Как жаль. Как жаль. Воспоминания детства взбудоражили сознание Иван Тимофеевича и сердце его защемили одновременно радость сегодняшней встречи и непреходящая боль о трагической гибели отца. Ведь сейчас отец мог быть еще живым – таким же, как дядя Коля. Я заботился бы о нем. Отец гордился бы мной и это было бы самой большой наградой за мою работу, за мою жизнь. Как мне его не хватает!

Иван Тимофеевич, не говоря ни слова подошел к гостю из прошлого и обнял его. Затем усадив дядю Колю в глубокое кожаное кресло напротив себя Иван Тимофеевич растерялся, не понимая, как начать разговор, не обидев штампами и банальностью.

После продолжительной паузы и взаимного волнения гость первый заговорил, наполнив зал низким старческим голосом Его голос дрожал от волнения, а глаза источали трогательный свет от наворачнувшихся внезапно слез:

– Ну здравствуй, Ваня. Вот и свиделись.

Какая-то неведомая сила бросила Иван Тимофеевича к этому незнакомому родному человеку и дядя Коля заключил его в свои объятия, как будто между ними не было десятилетний разлуки.

– Дядя Коля, дядя Коля, да как же так! Мы и не знали, что Вы живы....– дрожащим голосом по-детски причитал Главный конструктор.

– Да что там я, Ванечка! О тебе пришел послушать. Нашел-таки сынка моего друга лучшего! Дай-ка я тебя рассмотрю... Молодой еще, хоть и лысый, но выправку не спрячешь. Вылитый отец! Одно лицо! Прости, что проездом, прости что вот так с пустыми руками. Перед тобой, к сожалению, уже жалкие усохшие лохмотья бравого летчика – Героя Советского Союза! Ни что, сынок, не проходит даром. Жизнь – это сосуд который опустошается с годами. Батяка твой молодым ушел и молодым остался для нас навсегда. А я сынок жаль, что не погиб с ним. Здоровье все свое отдал Родине и сегодня Родина сделала меня нищим. Посмотри сам эти письма.....бессовестные люди эти чиновники – отказали мне сделать операцию на сердце. Мол квоты на меня нет.

Дядя Коля достал из старой замусоленной летной сумки бумаги и стал их аккуратно выкладывать на стол, жалобно вздыхая и приговаривая:

– Отказ, смотри, сынок, вот еще отказ. Не нужно Родине больное сердце летчика. Если со мной с Героем так поступают, то как живут остальные старики? Думать об этом страшно. Веришь! Хочется быстрее к отцу. Скучаю всю жизнь по нему. Когда он погиб – кусок моего существования вырвали из души. Все стало терять смыслы. Годы шли, а так и ничего не приросло на его место в моей душе. Так с раненым сердцем и доживаю свои деньки. Это дружба, сынок. Любовь к женщине – это страсть, наполненная инстинктом, а мужская дружба – это от Бога. Она и есть, сынок, самая, самая жертвенная любовь. Я так по-стариковски жизнь чувствую.

Иван Тимофеевич сквозь пелену слез видел эти измятые письма, эти страшные письма, истерзанные равнодушием и жестокостью чиновников. Немыслимо представить сколько раз дядя Коля унижительно доставал эти письма, бродя по бездушным инстанциям в поисках справедливости. От этих мыслей сердце у Ивана Тимофеевича зануло. Он незаметно для гостя положил валидол под язык и с трудом произнес.

– Дядя Коля, не переживайте. Я оформлю ходатайство в Минобороны. Я добьюсь. Я же считай в ранге генерала состою.

– Не хочу Ванечка! Ничего я от них больше не хочу. Я приехал просто попрощаться. Скоро встречу с твоим отцом, моим лучшим другом, расскажу, что тебя видел. Вот он порадуется то за сына любимого – генерала...

Неожиданно дяде Коле стало плохо. Он побелел и стал неожиданно скатываться с кресла на пол.

– Лекарство в левом кармане. Достань сынок... – страшно прохрипел Герой.

От неожиданности Иван Тимофеевич оцепенел и в первые секунды не мог сообразить, что ему делать. Друг отца умирал на его глазах. Все закружилось в голове.

Он не помнил, как вызвал ассистента, не помнил как Таисия вбежала со стаканом воды и дала спасительную таблетку.

– Нужно вызывать скорую – настойчиво, как врач скомандовала Таисия, держа дядю Колю за руку. – Пульс зашкаливает. Может быть инфаркт.

– Он умирает? – наивно спросил Иван Тимофеевич

– Все хорошо. Все хорошо Ванечка. Летчики испытатели не сдаются. Ждет Родина, что мы все сдохнем, а мы волевые. Мы на воле живем. В небе душой живем. Все, все сердечко отпускает... Таблетка и есть скорая помощь для меня. Спасибо Вам, мои дорогие, спасли старика, но я уже давно умер от обид и одиночества. Самое страшное не смерть, а когда ты умер при жизни.

И действительно, преодолевая боль и слабость, опираясь на руку Ивана Тимофеевича дядя Коля поднялся с пола и с облегчением погрузился в кресло. Он достал свой старенький носовой платок и из его кармана неожиданно вывалились старый потертый бумажник и потерянная фотография. Иван Тимофеевич дрожащей рукой поднял фотографию отца и положил ее вме-

сте с бумажником на стол. Дядя Коля закрыл глаза. То ли боли в сердце вновь резанули ножом его страдающее от немощи тело, то ли воспоминания закружили голову летчика.

Глядя на страдания Героя, разнородные чувства оглушили Ивана Тимофеевича окончательно. Надо было чем-то помочь этому родному человеку.

– Дядя Коля! Я вас не отпускаю. Я положу вас в лучшую больницу. Куда вы сейчас пойдете с вашим то здоровьем? – наконец вымолвил жалобно и нерешительно Иван Тимофеевич.

– Прощальный, жизненный круг замыкаю, сынок. Любимцы Бога, как твой отец умирают молодыми, а грешники, как я с мучениями. Это мой круг, и никто меня не остановит. Иду, сынок, на посадку – грустно со слезами на глазах выговорил Герой – я должен попрощаться на Земле со всеми, кто мне дорог. Времени, денег и здоровья осталось мало у меня сынок. Мне нужно спешить. Тебе пока меня не понять. Ты еще паришь в полете. Прощай. Молиться будем вместе с отцом за тебя на небесах!

– Дядя Коля разрешите мне дать вам хоть немного денег на дорогу? – умоляющим голосом спросил Иван Тимофеевич.

– Ты хочешь унижить память отца? Ты хочешь унижить достоинство русского офицера? Я умирать буду, но милостыню не попрошу. Не волнуйся только за меня, сынок! Я потихоньку сяду сегодня в общий вагон, куплю яичко и хлебушек и поеду в Тамбов к однополчанину полковнику Запашному. Бог поможет...

Иван Тимофеевич не мог этого слушать. Он незаметно взял бумажник, лежащий на столе, и положил в него всю денежную наличность, которая у него была в кармане в эту минуту. Он понимал, что дядя Коля никогда добровольно не возьмет деньги. Это настоящий офицер Чести.

На прощание они обнялись и без лишних слов расстались. Машина Ивана Тимофеевича повезла Героя на Павелецкий вокзал.

Воспоминания пережитого дня заставили Ивана Тимофеевича снова достать из бара початую бутылку водки. Он налил себе рюмку и стоя, по-офицерски нарочито подтянуто откинул назад плечи, раскрывая грудь для орденов, опрокинул ее залпом, прошептал: «За летчиков-испытателей. Спасибо тебе папа за твоих друзей! Вы Герои! Таких сейчас нет!» Улыбнувшись, генеральный конструктор крадучись спрятал назад бутылку водки в бар, ополоснул рюмку и тихо, чтобы не разбудить жену направился в кабинет на любимый диван отдыхать от эмоций прожитого дня.

– Лена, мы будем с тобой в старости писать мемуары – восторженно произнес Евдоким

– О том, как мне денег на колготки не хватало? – пошутила девушка.

– Мемуары дарлинг – это искусство манипуляции своим прошлым, а колготки – это слишком шокирующе и реалистично для мемуаров. Нет милая. Мы с тобой создадим легенду о жизни великого артиста к творчеству которого нам удалось прикоснуться. Талант – это демонстрация власти Бога над людьми. Талант – это шедевр театральной игры с первого дубля! У нас сработало все. Гениально, что угадали и не надели карие линзы. Риск был, что наш милый конструктор самолетов как-то вспомнит глаза друга отца и разоблачит нас. Ан нет! Масть легла правильно. А твоя идея Лена с обмороком, лекарством, фотографией отца и затрепанным портмоне восхитительна! Станиславский аплодировал бы тебе стоя. Нам есть чем гордиться! Мы на всякий случай разыграли не лоха, а опытного человека – генерального конструктора с мировым именем. Значит, мы гениально умеем играть реальную жизнь. Друзья, мы сделали этого человека счастливым. Он вспомнил героя отца, вернулся в детство, помог другу отца. Это настоящее дьявольское искусство делать людей реально счастливыми без религиозных соплей. Но это

только наш первый эксперимент по созданию театральной реальности. Мы должны создавать возможности для сотен, тысяч людей стать счастливыми от встречи со своей историей. Друзья, я не пророк, но Вы увидите, что в нашем мире цифрового одиночества люди готовы платить миллионы долларов за светлые эмоции самообмана и иллюзорной героики семейных легенд. И благодарность зрителей за гениальные психологические этюды нашей великой труппы будут сопровождаться чудовищными гонорами. Деньги – это энергия, сопровождающая расцвет таланта.

Это было сказано Евдокимом так пафосно и так восторженно искренне, что Степан сам стал уже понемногу верить, что стал участником гениального творческого театрального эксперимента и слава, поистине настоящая слава найдет его совсем скоро.

Иван Тимофеевич пришел на работу в хорошем настроении и попросил помощника Таисию сделать двойной экспрессо по случаю завершения испытания нового двигателя для СУ-35. Двигатель – это самое наукоемкое механическое устройство по плотности инноваций в мире – превращался на завершающей стадии испытаний в живое сердце самолета, давая ему жизнь и способность парить в небе, как птица.

Завершение испытаний был всегда праздничным днем для всего конструкторского бюро, итогом многолетних бессонных ночей и мучительных поисков нестандартных решений. В глазах всех соратников, встретившихся по пути в кабинет, чувствовалось особое торжественное возбуждение перед демонстрацией результатов их высочайшего интеллекта и жертвенного труда.

Главный конструктор по взгляду своей помощницы сразу почувствовал что-то не ладное и категорично прямо спросил:

– Ну выкладывай начистоту, Таисия. Что-то с двигателем? – от тревожного предчувствия в сердце врезалась тупая ноющая боль.

Таисия взволновано, глядя на побледневшего шефа, быстро заговорила:

– С испытаниями все идет в штатном режиме, но... – запнулась женщина

– Что еще за, но? Не тяни кога за хвост, Тая. Ты же знаешь, что я не люблю неизвестности и недомолвок... – закипая от раздражения на повышенных тонах произнес Иван Тимофеевич.

– Пришло распоряжение из Министерства не допускать Вас до испытательного полета по состоянию здоровья. Ваш личный врач Тамара Петровна категорически против вашего участия и написала рапорт, что Ваше сердце показало при исследовании предынфарктное состояние. Вы можете не выдержать перегрузок и

– Молчать. Кто смеет мною командовать? Эти врачи, будучи бессердечными людьми пытаются лечить сердца. Здоровье человека зависит от воли и страсти жить. У меня планов жить на сотни лет, и никто меня не остановит и не помешает поднимать в небо новые крылатые машины. Подумать только! Какая пошлость! Какой-то докторишка не понимающий, что такое диагностика двигателя ушами генерального конструктора вмешивается в государственный проект, утвержденный самим Главнокомандующим. Чушь. Вредительство. Уволить её с сегодняшнего дня!

– Вы же знаете, что это невозможно. Профессор Венидиктова Тамара Петровна прикомандирована к нам от Минобороны и не может подчиняться Вашим приказам. Вы принадлежите стране. Простите, Иван Тимофеевич, как это не парадоксально, по приказу Министра обороны Вы подчинены в вопросах здоровья Тамаре Петровне, ибо Ваше здоровье это национальное достояние и профессор отвечает за Вас своей головой.

– Трусиха! Перестраховщик! Оборотень в белом халате! Наберите мне Министра обороны! – в ярости и не контролируя себя, выкрикивал отрывочные фразы Генеральный конструктор, ища выход из шокирующей для него ситуации.

– Иван Тимофеевич, поверьте Тамара Петровна – светило, и не только в России, но и признанный в мире кардиолог. Ваше сердце может не выдержать таких перегрузок на сверхзвуковом самолете. Тамара Петровна перед тем, как принять окончательное решение провела консилиум со всеми отечественными медицинскими светилами и решение по вашему вопросу вынесено единогласное – вам запрещено летать.– с сожалением и сопереживанием в голосе произнесла Таисия.

– Хорошо. Министр не может исправить это недоразумение. Все понятно. Буду обращаться к Главнокомандующему за помощью. – ослабевшим, поникшим жалким голосом произнес Иван Тимофеевич и незаметно от Таисии положил таблетку валидола под язык.

Таисия всегда замечала это скрытное движение руки шефа, которое в последнее время проявлялось все чаще и чаще. Сердце помощницы сжалось от тревоги, и она произнесла мягким проникновенным и заботливым голосом:

– Вы знаете, что доктора правы и Вам нужно немного подлечиться, и тогда будете летать сколько захочется.

Генеральный конструктор понимал, что его помощница врет, успокаивая его, так как летать ему больше не суждено, но очень хотел верить в ее спасительную ложь и как ребенок смиренно кивнул головой.

В кабинет без стука зашел руководитель службы безопасности конструкторского бюро генерал ФСБ Георгий Кузьмич Ковтун. В инструкции такое поведение Генерала было оговорено только в особых чрезвычайных случаях. Таисия без слов покинула кабинет и плотно закрыла за собой массивную дверь.

– У нас проблемы, Иван Тимофеевич- стоя, не обращая внимания на уважительный жест шефа присесть, с тревогой в голосе произнес генерал.

– Что за день такой сегодня! Одни проблемы! Я на работу сегодня прибыл на праздник приемки самолета или приехал в поисках неприятностей? Поистине, неприятности не стоят в очереди и входят в обнимку все вместе. Что у тебя, Георгий Кузьмич, выкладывай свои неприятные трофеи. Только докладывай быстрее. Если ты о моем здоровье, то Таисия первая меня обрадовала о завершении моей летной карьеры.

– Иван Тимофеевич. Я хочу Вам вернуть Ваши деньги. Все пятьсот тысяч рублей. Мы не смогли их передать другу Вашего отца.

– Я так и знал... я предчувствовал, что дядя Коля скоропостижно умрет. Я чувствовал...

– Дядя Коля действительно умер, но...20 лет назад... – спокойно с подчеркнутым уважением произнес генерал.

В кабинете наступила напряженная тишина. Иван Тимофеевич, сидя в кожаном кресле, смотрел неподвижным погруженным в себя взглядом куда-то через огромное обзорное окно, выходящее на испытательный полигон, на тучи, несущиеся низко над землей, и безучастно молчал.

– Иван Тимофеевич, Вы встречались не с дядей Колей, а с опасным преступником – первый прервал тишину Генерал. – Какова цель его визита пока непонятно. ФСБ и полиция прорабатывают все версии от мошенничества до операции внешней разведки наших военных противников.

Иван Тимофеевич внезапно почувствовал головокружение и жжение в области сердца и через минуту физически ощутил полет среди темных облаков человеческого зла, заливающих его душу потоком тяжелого разочарования. Сознание окончательно покинуло его и на душе стало легко и покойно.

Глава 4.

Совесть- это весть

Весть, останавливающая порочную мысль, порочный поступок

Весть, очищающая и сохраняющая душу.

Вот уже два месяца Степан плыл по течению судьбы и репертуара «Театра жизни», махнув на все условности морали. Ведь мораль лжива и по убеждению Евдокима являла собой не что иное как оправдательную религию неудачников, а это значит пусть они – неудачники рисуют для себя эти нравственные химеры. «Для людей стремительной цифровой эпохи и креативного таланта – нет лживых границ для добродетельных и недобродетельных поступков. Мы люди энергии страсти, победы и одержимости в достижении успеха любыми авангардными способами. А деньги... деньги, как божественная энергия созидательного действия выбирает самых достойных и покидает недостойных. Для успешного человека деньги это плата за смелость действия и талант самореализации. Если деньги поддерживают твоё движение вперед, значит ты на правильном пути. А завистники пусть остаются в нищете наедине со своей ущербной моралью».

За последние месяцы Театр Жизни набрал обороты и под прицел театральных новаторов попал Клуб «Потомков летчиков-Героев». Верткий Евдоким шел напролом навстречу своей цели – стать богатым. Он устанавливал со своими будущими жертвами дружеские отношения, проводя свои творческие вечера в среде ветеранов-летчиков. Это позволяло поставить психологические авантюрные этюды Театра жизни на поток, тем более, что все сценарии авантюры писались на самых достоверных материалах: бесценных и эмоциональных рассказах потомков. Евдоким неистово фонтанировал идеями, а Степан еженедельно проводил «творческие эксперименты», приносящие доходы участникам концессии. В черед его жертв были в основном потомки летчиков всех мастей от летчиков-испытателей и героев войны до современных летчиков участников вооруженных конфликтов в Афганистане и Сирии. Кроме того, встречались экземпляры странных фантазийных людей, имеющих солидный финансовый ресурс и склонных к легендированию своих предков. Они были особенно финансово благодарными за пережитые эмоции внезапного появившегося родового величия, подаренного им Степаном. Все психологические этюды Степан устраивал мастерски, творчески и красочно, демонстрируя всем своим актерским талантом героико-летного подвига восхищенным потомкам, отчего их гордые за великий род сердца наполнялись счастьем и вселенской благодарностью. «Поистине, человек является рабом собственного тщеславия и гордыни», – подсчитывая барыши думал Степан.

Евдоким принципиально не хотел менять профиль жертв Театра, так как летчики по его глубокому убеждению являют собой романтические существа и их генетические потомки с кровью перенимают эту наивность в восприятии жизни, эмоциональную чувственность и благородство поступков и помыслов. Он был искренне убежден, что философское осмысление природы человека делит всех людей на две антогонистические цивилизации внутри безумного современного мира – на летчиков, умеющих любить и мечтать и на всех остальных людей, ползающих по земле, не поднимая голову к небу. У цивилизации летчиков Евдоким обнаружил скрытый от других людей свой Иронический кодекс чести, и он закреплен в летном этносе. В словарики летного жаргона, подготовленного для Степана, Евдоким красным карандашом отметил любимые выражения:

– " Будь добрым летчиком! Всегда отдай ребенку в любом городе мира последнюю шоколадку, ведь быть может это окажется твой ребенок.»

– «Не оставляй женщин на старость, водку на завтра, а торможение на конец полосы.»

«Когда бог наводил на земле порядок, авиация была в воздухе.»

«Все инструкции для летчиков написаны кровью испытателей.»

«Больше летаешь лучше живешь, меньше летаешь дольше живешь".

«Только зная душу летчиков, можно внедриться в мир летающих над землей людей» – поучал Евдоким Степана. Со временем нашему Герою стало казаться, что он с детства мечтал стать именно летчиком. Свой жизненный авантюризм он тоже трактовал, как способность летать в свободном небе, но не поднимаясь высоко, чтобы не разбиться. В его душе порой возникали внезапные опасения за свою свободу и в целях безопасности он готовился к каждой театральной встрече очень тщательно перепроверяя информацию Евдокима, выискивая в архивах библиотек и в интернете дополнительные яркие детали жизни своих сценических жертв.

Степан, будучи умным человеком отчетливо осознавал, что весь их Театр Жизни не что иное, как изощренная форма криминального авантюризма. Он оправдывал свои аферы здоровым рыночным авантюризмом. «А разве не авантюризмом было кучке приближенных к власти людей присвоить всю собственность Советского Союза, созданную героикой целого народа?» – вопрошал он свою совесть для утешения. Но что смущало Степана в современной теории «Рыночного авантюризма», так это частые уголовные дела, возбуждаемые против активных участников этого модного "научного течения". Привкус криминала в деятельности Театра жизни заставил Степана придумать свою спасительную философскую теорию "Изящного творческого аферизма в цифровую эпоху", представителями которой являются недооцененные государством люди настоящего искусства, которые не воруют у государства, а своим творчеством и талантом добивают недооцененные общественные блага в рыночных условиях в том объеме, которых они достойны. По сути это кристально честные люди, но попавшие в эпоху, когда настоящим драматическим искусством не прокормишься, а нужно выживать как биологические существа за счет рыночных механизмов и частной инициативы.

К слову в глубине душе Степан отчетливо понимал, что все теории придумываются людьми для усыпления совести и никакие теории не спасают их приверженцев от статьи Уголовного кодекса за мошенничество в особо крупном размере и это понимание порой вызывало ноющую тревогу в сердце нашего героя. Он отгонял эти мысли демонстрацией своих достижений по покорению Москвы, и было, что показать.

Через полгода после открытия Театра Жизни он не только рассчитался с долгами, но и прикупил себе подержанный БМВ третьей модели и задумывался о покупке своей собственной квартиры... «Общество потребителей создано для потребления, а для этого нужно добывать деньги любым способом, используя свои таланты» – внушал он себе постулаты рыночной экономики, но не был от этого по настоящему счастлив.

Открыто ходить каждый день в рестораны на мизерный оклад актера в 50 тысяч рублей было очень опасно. Приходилось максимально ограничивать свое общение с завистливыми коллегами по театру и это тяготило его, так как Степан не любил одиночество. Хотелось любви и человеческого счастья, а это было невозможно совмещать с работой в Театре Жизни. Оставаться по вечерам одному в своей съемной квартире на Патриарших прудах было очень тоскливо, поэтому он убежал в дни, когда не было спектаклей в гастрономический винный бар Grand Cru. Там он пытался отогнать навязчивые мысли о своей несчастью, беседуя за бокалом Бургундского со своим знакомым шефом Андрианом о винах и культуре правильного и вкусного питания. Шеф был весельчак, и постоянно повторял свой любимый афоризм, подливая вино в бокалы «Запомните философию гендерного разрыва. Женщины едят за разговорами, а мужчины разговаривают за едой». Андриан был убежден, что философия потребления вина является коренным и непримиримым различием между человеческими полами. От этой

простоты и наивности Степану становилось хорошо, и эта магия чистосердечности Шефа иногда помогала ему расслабиться и забыться.

Неприятные слухи пошли среди артистов о проверках прокуратурой их доходов и даже проверки банковских счетов. Никто ничего толком не понимал и поэтому слухи обретали несуразные домыслы. Евдоким пренебрежительно улыбался на опасения Степана: «Львы не должны думать о том, что говорят о них гиены». Но Степана эти афоризмы не успокаивали. Он кожей чувствовал свою причастность к неожиданно активному интересу правоохранительных органов театральной средой. Степан отчетливо понимал, что пачка заявлений в полицию о театральном мошенничестве разбухает по мере его активности на сцене Театра Жизни. По ночам его стал мучить панический страх за свою жизнь. Страх всегда друг обмана и предсказатель возмездия. Во снах перед ним вставали образы обманутых им потомков летчиков, которые то избивали его до смерти, то сажали в тюрьму, то пытали током, требуя вернуть похищенные деньги. Степан стал ловить себя за мысли о страхе перед ночными сновидениями и ненависти ко сну.

Однажды страшный сон превратился в явь. Это случилось 30 мая в среду в десять часов вечера. Эту дату наш герой запомнил на всю жизнь. В этот ужасный день Степан вернулся домой с хорошим кушем в десять тысяч долларов после удачного спектакля Театра Жизни. Он по привычке открыл окно в спальне, чтобы проветрить перед сном комнату и неожиданно увидел, как напротив его подъезда остановилась полицейская машина и из нее вышли два сотрудника полиции и быстро зашли в его подъезд. Нашего героя охватили паника, подобная той, которую он испытывал в своих снах. Но это был не сон. Это была реальность. В голове Степана набатом звучала мысль: «Неужели за мной? Так быстро? Неужели меня изобличили? Да, да. Они подсчитали все мои чеки в ресторанах, прибавили плату за квартиру и арифметика понятна для третьего класса. Откуда такие доходы? Это тот самый аферист. А может заявили и выследили меня сегодня... Я чувствовал провал сегодня, когда мне давали деньги и ехидно улыбались. Да, да я отчетливо сейчас вспоминаю этот ехидный взгляд брокера – племянника Героя России Панкратова. Он брокер раскусил меня давно, когда я звонил ему и тут же заявил полиции. Наверняка деньги кропленные! Не арестовали с поличным, чтобы поиграть со мной в кошки-мышки. Я читал об этом изуверстве следаков в одном детективе. Хотят и посадить и деньги себе в карман припрятать. При понятых то особо не разживешься халявой. Все понятно. От этого не легче! Что делать? Бежать? Конечно! Все бросать и бежать.

Степан быстро схватил специально приготовленный на этот случай луивитоновский саквояж из крокодильей кожи с документами, деньгами и ценными вещами, и осторожно вышел из квартиры, тихо прикрыв дверь за собой. Он слышал надвигающиеся на него с нижней лестничной площадки голоса полицейских. Сняв мокасины с ног, чтобы не издавать никакого звука Степан, затаив дыхание босиком неслышно побежал по лестнице вверх. Для этого случая он все продумал заранее, припас запасной ключ от чердака в сумке для побега. Как агент из американских блокбастеров наш герой тихо взобрался по чердачной лестнице, открыл люк с заранее смазанной пружиной и вылез на крышу. Лежа на крыше в эту майскую теплую ночь он дрожал от возбуждения и страха и прислушивался к звукам, доносящимся из подъезда. Ему представлялось, как полицейские допрашивают его соседей и взламывают с понятыми дверь в его квартиру, вызывают подкрепление с собаками, которые скоро ринутся за ним на чердак. Требовалось много усилий воли, чтобы погасить паническую атаку и начать спокойнее наблюдать за полицейской машиной, стоящей без движения около подъезда. Если они пустят на меня собак, я не выдержу – я прыгну вниз с крыши. Отец умрет тут же, узнав о моей гибели! Мама, бедная мама она тоже не переживет такого позора и умрет с горя. Страшно думать об этом. Ведь мать и отец для меня все, что есть в жизни. Как я их подвел! Родители думают, что их сын блистательный актер ведущего театра Москвы, а их сын вор! Вор! Аферист! Мошенник! Это ужасно. Ведь у родителей после моей смерти конфискуют всю их собственность. Я им пересы-

лал ежемесячно деньги на жизнь и лечение отца. Господи помоги мне! Не дай погубить моих родителей! Никогда тебя ни о чем не просил! Помоги мне! Клянусь, я брошу свои преступные деяния! Буду заниматься благотворительностью. В голове неожиданно зазвучали слова свыше." О Боге вспомнил аферюга. Как дурачить людей, так о Боге не вспоминал. " Степан встал на колени и подняв руки к небу стал шептать: «Господи помоги! Жаль отца. Он верит в меня. Прости папа! Я тебя очень люблю, часто разговариваю с тобой во сне. Не сейчас, раньше разговаривал! Сейчас я заслужил только ночные страхи. Зачем я так живу?» Горло перехватил спазм, и Степан громко зарыдал, как ребенок не думая, что полицейские могут его услышать. Он уже ничего не боялся.

Лежа на крыше и глядя невидящим взглядом в грязное серое небо Москвы Степан переосмысливал всю свою жизнь.

В это время в квартире напротив уже два часа к ряду полицейские уговаривали мужа соседки прекратить дебош. Затем они все-таки решили забрать упрямого пьяницу в полицейский участок. Опомнившись, жена стала защищать своего мужа и отбивать его от полицейских. И так – по неведомому вечному кругу любви и ненависти – тянулась эта традиционная российская бытовуха, замешанная на странной семейной привязанности, беззаветном пьянстве и отсутствии какой-либо логике в мыслях и делах русских женщин.

Когда полицейские отчаялись и наконец покинули "влюбленную пару" наш герой, проводив безучастным взглядом полицейский наряд, скрывшийся в ночи на машине, продолжал лежать на крыше и смотреть в бесконечность мироздания в наполненном какофонией звуков ночном городе. В эту ночь он очередной раз поклялся себе, отцу, маме и Богу бросить опасные аферы и приступить к честной жизни московского актера. Эта ночь стала началом долгого пути оздоровления нашего героя от его затянувшейся болезни.

Генерал Ковтун каждый четверг ходил на доклад к Генеральному конструктору и рассказывал о ходе расследования этого странного дела. Это жестокое по своей нравственной природе преступление ранило сердце Ивана Тимофеевича инфарктом, от которого он оправлялся с трудом и с неприятными последствиями для здоровья. Он лет на десять постарел, вернувшись из госпиталя, и из крепкого одержимого страстями созидания мужчины превратился в грустного старика. Из всех человеческих чувств самое разрушительное это предательство и разочарование. Они привносят в жизнь убивающую душу пустоту. И это связано не столько с потерей романтических иллюзий, сколько с убивающим душу ядом циничного обмана.

– Иван Тимофеевич, разрешите доложить. – сдержанно обратился генерал.

– Докладывай Георгий Кузьмич об этом брэнном мире, наполненном смрадом пороков и наживы. Куда мы идем с этим искусственным интеллектом? Он убивает в нас живых людей и рождает бездуховных тварей, способных перешагнуть через все святое: мать, отца, деда – героя войны...

– Иван Тимофеевич, мне очень жаль, и я понимаю и принимаю ваши чувства. Встреть я этого подонка, я бы поверьте обоюму в него вколотил не задумываясь. Я в Афганистане был. Цену жизни знаю. Цивилизация катится в трамтарарам. Человечество превратилось в убогих лакеев денег. Клянусь, я найду этого подонка. Всех ребят из Следственного комитета подключил. ФСБ взяло расследование под контроль. Тайну следствия не разглашают, но след преступников взяли. Выводы следаков. Это группа аферистов по всей видимости не более десяти человек. Предположительно молодые люди с явным театральным талантом. Жертвами на сегодня стали около тридцати человек. Все они потомки знаменитых летчиков. Отдали, как и Вы Иван Тимофеевич...

– Меня деньги не интересуют. Пусть они горят в аду. Я в память об отце деньги отдал и об этом не жалею. Обман и циничность нашего общества меня разрушают изнутри. Пусть эти подонки с этими деньгами дальше с Богом разговаривают. Я им только соболезнаю. Кроме беды краденные деньги ничего не несут хорошего. Только несчастье и страдания... – глухо и без эмоций произнес Генеральный конструктор.

– Простите, Иван Тимофеевич, но обманутые люди передали преступникам сумму около 9 миллионов рублей. Может кто-то и привирает под шумок, но порядок цифр такой. Работают в гриме дерзко и обладают элементами гипноза. Жертвы понимают обман только по прошествии какого-то времени. Сейчас артисты залегли на дно. Может почувствовали опасность. Все общественные организации ветеранов летчиков оповещены, все дальнейшие их шаги органами просчитываются. В театральных студиях, театрах и на факультетах психологии вузов идет оперативная работа. Так что никуда не денутся. Следаки уверены, что через месяц аферисты оправятся от испуга и вылезут из своих нор за наживой. Вот тогда-то их и возьмут. Доклад закончен.

– Я одно не пойму, за каким лядом им так летчики то насолили? – спросил Иван Тимофеевич задумчиво.

– Это для следствия загадка. Пока загадка... Работаем. В ближайшее время доложу.

Компаньоны ничего не говорили Степану, но не меньше были напряжены предчувствием развязки криминальной театральной практики.

Это произошло вчера случайно, когда Евдоким ужинал с вице-президентом ассоциации потомков Героев России Рашидом Абдулиевым и выспрашивал о наиболее интересных людях, способных участвовать в проекте «Лица победы» – установление скульптур выдающимся летчикам в местах их последнего сражения.

– Какой ты благородный человек, Евдоким – воскликнул Рашид под натиском обаяния своего собеседника. – А есть подонки, которые паразитируют на именах Героев.

– Не может быть! – по театральному воскликнул Евдоким и сердце его от предчувствия похолодело.

– Да, мой дорогой Евдоким, вот полюбуйся – Абдулиев протянул письмо Следственного комитета.

Глаза Евдокима вонзились в текст:

«Всем руководителям ветеранских общественных организаций и учреждений культуры.

На территории Москвы действует опасная группа мошенников, которая втирается в доверие к потомкам летчиков Героев России и требует денежные средства на установку памятников или другие цели.

Просьба при выявлении подобных случаев срочно обратиться по номеру...»

– Какие мерзавцы! – произнес побелев Евдоким. – Ничего святого. Очерняют хорошее дело.

– Да Евдоким не волнуйся так. Я со следователем сегодня разговаривал и о тебе рассказывал. Какой ты благородный человек. Он так заинтересовался тобой. Даже познакомится с тобой хотел. – произнес Рашид.

В этот момент Евдоким прикладывал огромные усилия, чтобы прожевать кусок мяса. От нервного шока его стало подташнивать, но отхлебнув глоток красного вина он справился с волнением и произнес почти спокойно

– С хорошими людьми нужно встречаться. А что еще он рассказывал?

– Да ничего. Сказал, что скоро возьмут этих артистов. Идут за ними по следу. – Рашид с нескрываемым наслаждением смачно отпил вина из бокала и самодовольно улыбнулся.

Евдоким прозвонил общий сбор. Через два часа концессионеры собрались в кафе Онегин и молча пили кофе, переосмысливая информацию Евдокима. Они сошлись на одном – что-то нужно делать, но что делать было непонятно. Все были в кредитах, которые нужно гасить, и проблема на что жить и как менять свои богемные привычки повисла тяжелым вопросом. Все осознавали опасность сегодня с особой остротой и страхом и ждали от Евдокима спасительных идей, но первым прервал коллективную молчаливую медитацию Степан:

– Думай не думай, молчи не молчи, а сказать стоп пора и немедленно.

– Все это так, но мы привыкли жить широко и счастливо. Поэтому привычки жить хорошо или плохо становятся выбором каждого из нас. Мы прагматики настоящие дети земли. Мы сорняки, и матушка любит своих детей-сорняков, борющихся до конца за место под солнцем конкуренции с этими теплолюбивыми рафинированными бездельниками, у которых от рождения всё есть – произнес Евдоким в раздумье. – Да мы дети падшего на Землю дьявола. Мы произрастаем из его мученической крови. Мы умеем быть успешными, но мы умеем быстро меняться, приспосабливаться к новым вызовам.

– Евдоким, мне не нравится, что ты нас навязчиво вовлекаешь в секту дьявола. Мне лично не по себе. – произнесла робко Лена.

– Ленусь! Это всего лишь философия воли и успеха. Все бизнесмены, творцы, актеры в этой секте состоят и живут себе припеваючи манипулируя человечеством, высасывая кровь из людей, строя при этом храмы и молясь в церкви. Я глубже копаю. Дьявольская секта успеха внутри нас, внутри всех успешных людей, лишённых ленного созерцания жизни. Степан меня понимает.

– Я понимаю одно, что нам нужно как сорнякам постоянно искать новые возможности выживания и я прекращаю участвовать в Театре Жизни и в криминальном актерском блюде. Моя психика дает сбой, я не сплю ночами, появилась аллергия из-за нервного срыва и это не стоит никаких денег. Если мы не выйдем из криминала, я не в игре.

Степан после своего протеста ожидал истерики от Евдокима, но этого не произошло. Поклонник падшего ангела впервые внимательно с какой то грустью посмотрел в глаза Степана и произнес тихо:

– Нервный срыв, говоришь... Ты прав Степушка. Всегда в жизни нужно уметь вовремя закончить спектакль и даже при необходимости закрыть театр. Каждый проект, как и человек рождается и умирает. Это естественный ход жизни. Я согласен. Мы все устали... Но спектакль можно трансформировать под новые реалии, и мы сорняки должны найти креативные пути движения к солнцу. Я в ближайшее время предложу вам мои верные собратья по прагматичному разуму построение новой сцены нашего театра жизни, которая будет совершенно безопасная и даст нам гонорары такого размера, чтобы хватило купаться в шампанском до конца жизни. Это должна быть игра по-крупному. Степан улыбается с иронией или радостью – я этого пока не пойму. Ты я вижу придумал что-то особенное гениальный плут Степушка?

Евдоким был прав. Степан был счастлив перелистнуть страницу своего криминального прошлого и не носить больше плутовскую бороду мерзкого афериста.

Глава 5.

Полет это прыжок человека к небу

Полет это глоток свежего воздуха

Полет это лекарство от болезни ходить по земле

Ради справедливости нужно сказать, что прекращение театрализованных авантюр было не единственной радостью в жизни нашего героя в последние две недели. У Степана появились многочисленные поклонницы, которые ходили как на работу на спектакли с его участием даже в самых эпизодических ролях. В театральной жизни было все – цветы, овации, записки красоток, а еще было щемяще унижительное чувство страха, что неожиданно вскроется теневая сторона его жизни. Стяжательство часто топит в своем болоте людей, не давая возможность схватиться за спасительную опору. Сейчас этим спасителем стал мудрый Евдоким, способный своей гениальностью спасти обреченный на штурм правоохранительных органов корабль Театра Жизни: «Он сможет изменить наш курс и выпустить белые паруса навстречу свежему воздуху свободы без страха, и тогда Степан перестанет думать о финале затеянного спектакля, и выйдет чистым и счастливым из криминальной трясины».

Степан устал жить двойной жизнью, не подавать вида окружающим и постоянно чувствовать всей своей кожей страх перед скорым неминуемым разоблачением, тюрьмой и позорным концом своей аферы. Ему надоело спасаться от страхов и одиночества единственным другом, которому он доверял – алкоголем. Других друзей у него в последнее время не было. Компаньонов по Театру Жизни незаметно для себя он стал ненавидеть, как виновников своего духовного падения, и старался максимально сократить контакты, готовясь к самому важному – окончательному разрыву с ними и очищению. Алкоголь в последнее время перестал убивать страхи, а стал предательски давать ему лишь короткую отсрочку, вызывая спасительное забытие. После возвращения в реальность страх заключал его в свои омерзительно холодные, дрожащие объятия. «Теперь все будет по-другому. К прошлому возврата больше нет». – думал Степан.

Евдоким, несмотря на сложность характера, умел подобно великому комбинатору Бендеру в скоростном режиме генерировать новые проекты. Через неделю после памятной речи о трансформации криминала в открытое театральное пространство, он собрал своих партнеров и огласил свой новый гениальный план:

– Друзья! Мы переходим на новый виток нашего творческого развития – мы становимся созидателями. Это кажется, что падший Ангел жесток. Нет! Он умеет постоянно меняться, как бизнес. Мы возможно не все делали корректно в последние полгода в отношении наших зрителей. Теперь же мы сбрасываем маски и показываем наши красивые лица. Я давно готовил эту трансформацию и она состоялась. Я подготовил все документы для открытия Фонда «Памяти Героям – летчикам». Вся наша команда и Ассоциация Героев летчиков выступают учредителями этого грандиозного проекта, что дает нам право стать легальными пропагандистами этого благого дела и получать в фонде прозрачную зарплату. Мы не будем брать наличные средства. Все средства по договорам будут идти в Фонд и мы честно будем возводить памятники героям-летчикам по всей России.

– Правильно ли я понимаю, что моя обязанность под своей фамилией уговаривать богатых потомков летчиков-героев вложиться в Фонд и мы реально возведем памятники? – задал прямой вопрос Степан.

– Любой проект инерционен. Мы на первом этапе выходим на прозрачные финансовые потоки, а на втором этапе набрав мускулы и авторитет, полностью откроем свое лицо, как справедливо заявил Степан – витиевато изрек Евдоким. – Ведь у нас непростая ситуация с органами, и мы должны какое-то время быть осторожными и не бряцать своими фамилиями в Интернете и не привлекать внимание. Как говорится, деньги любят тишину, а практика важнее любой теории.

Все в устах Евдокима было взвешенно и логично и Лена со Степаном не стали возражать по новому плану, ибо он выглядел более безопасным, чем дерзкие аферы с гримом и переодеванием.

Только намного позже Степан узнал, что воплощаемая в практику мошенническая схема Евдокима ничем в криминальном плане не отличалась от предыдущей, просто была уже более масштабной и изощренной. С помощью театрализованного обмана осуществлялся эмоциональный контакт с потомками героев и собирались крупные вклады от организаций на проект памятника, который действительно реально ваялся и устанавливался. Чтобы сорвать большой куш в карман учредителей Фонда, Евдоким договорился со спивающимся народным скульптором России Алексеем Пилотовым о покупке его знаменитого имени за скромное вознаграждение в 100 тысяч рублей для использования в качестве бренда при строительстве памятников знаменитым летчикам. В любом памятнике главная цена зарыта в именитости скульптора. Евдоким это знал, и задачу оптимизации расходов решил блестяще, наняв в качестве исполнителей талантливых студентов Московского государственного академического художественного института имени В.И.Сурикова при Российской академии художеств, проходящих практику у мэтра Пилотова. Для ребят участие в проектах с великим скульптором это хороший старт их карьеры и они готовы были трудиться практически безвозмездно на свое будущее. К чести Евдокима, он часто премировал студентов за талантливые идеи. Впрочем фамилию скульптора Пилотова созвучную со словом "пилот" Степан тоже мастерски использовал, причисляя скульптора к роду потомственных пилотов воздушных шаров, друживших с прародителем авиации Жаком Этьеном. Это дарило спонсорам Фонда романтические надежды, что с такой духовной родословной трудиться над скульптурой народный художник будет самозабвенно. Такая схема экономии позволяла с каждого памятника оставлять в Фонде до 7 миллионов рублей в квартал, которые перетекали в карманы учредителей, как плата за администрирование проекта.

Несмотря на гениальные организаторские способности Евдокима, ключевым звеном проекта оставался Степан, обеспечивающий привлечение вкладов в Фонд своими психологическими этюдами. Это была самая сложная часть проекта, так как она имела традиционную мошенническую природу действия по эмоциональному вовлечению капиталов потомков в благотворительный фонд. Без психологического этюда, осуществляемого Степаном, концессионерам невозможно было быстро и надежно направить помыслы потомков в русло благотворительности.

Сегодня на репетицию спектакля пришел неожиданно новый директор театра Виктор Иванович Борцов. Он был высоким симпатичным человеком, с виду лет пятидесяти, обладателем атлетической фигуры и голубых добрых глаз, расположенных на лице с правильными чертами. Всем своим видом он транслировал благородство и чистоту помыслов, что вызывало ответную доброжелательность у всего коллектива от гардеробщиков до народных артистов.

Виктор Иванович поднялся на сцену, пожал руку режиссеру и обратился в микрофон в зал.

– Дорогие друзья. Я должен извиниться за прерванную репетицию, но меня попросили следственные органы обратиться к Вам с просьбой. В Москве появилась группа аферистов, терроризирующих честных людей и похищающих у них с помощью театральных и психологических уловок, большие суммы денежных средств. Это компрометирует все актерское сообщество перед зрителями, перед простыми людьми. Следственный комитет просит актеров нашего театра внимательно присмотреться к своим коллегам и при наличии странного поведения сообщить в мою приемную. За активную жизненную позицию будет выделено вознаграждение, но это не значит, что мы должны превратиться в шакалов и зарабатывать деньги на ложных доно-

сах на своих товарищей. Если мною будут установлены такие факты, я буду их пресекать вплоть до увольнения. Есть вопросы?

– А какой размер вознаграждения за поимку преступника? – послышался задорный голос Евдокима недалеко от сцены.

Все артисты рассмеялись.

– Это Вы узнаете, когда найдете преступников или сдадитесь сами. – парировал директор и извинившись покинул зал.

Степан стал ощущать, как колотится его сердце и даже вздрогнул, когда на его плечо легла большая, теплая рука Евдокима.

– Нам нужно сворачивать активности. В ассоциации героев проведены обыски. Кольцо сужается. Нам бы десяточку миллионов заработать быстро, рассчитаться с долговыми обязательствами и на покой. Как говаривал падший Ангел, можно забыть о чести, о любовнице, о детях, но не о долгах. Долги – это духовный промысел финансовой канцелярии Всевышнего. Так что, мой друг прошу, как спасителя нашего, придумай изысканное завершение нашего проекта, а я вывернусь наизнанку, чтобы закрыть после этого Фонд и концы в воду.

Для осуществления последнего проекта Театра Жизни Степан решил перечитать самые интересные истории о летчиках времен Великой Отечественной Войны и неожиданно натолкнулся на фронтовую романтическую легенду трагической судьбы знаменитой русской летчицы Лилии Литвиненко. Асса в юбке посмертно наградили званием Героя Советского Союза в 1990 году, только через 47 лет после ее гибели. Говорят, красивым женщинам не только многое прощают, но и многое приписывают. Лилия была не просто красивая девушка, а девушка-легенда. Современники приписывали ей качества самой обаятельной, самой женственной и самой веселой девушки летчика-истребителя на фронте. По мнению всех военных экспертов Лилия заняла в истории авиации первую строчку среди женщин асов, победив противника в девяти воздушных боях. Степан с особой страстью изучал все фронтовые легенды об этой героической девушке. Моментами рассматривая ее фронтовые фотографии Степан ловил себя на мысли, что это девушка являет собой олицетворение его мечты. К слову это были лишь фантазии нашего героя. Лилия имела идеальный для летчика небольшой рост, точеную женскую фигуру с красивыми ногами и высокой девичьей грудью, отчетливо подчёркнутой подогнанной по фигуре кожаной летной куртке. Светлые кудрявые волосы, зеленые пронизательные смеющиеся глаза, прямой греческий нос выдавали в ней сильную натуру полную достоинства и отваги. Однополчане вспоминали, что девушка умела так заразительно смеяться, что за минуту становилась украшением любой компании, влюбляя мужчин и подчиняя окружающих своему природному оптимизму. Несмотря на открытость к людям Лилия мало рассказывала о себе и своей семье. По всей видимости такая осторожность была связана с отцом репрессированным в 37 году по ложному доносу. Плюс еврейское происхождение не располагало к семейным откровениям, ибо фамилия Литвиненко происходит от слова Литвяк, что в переводе с литовского означает литовская еврейка. По правде говоря, рассказывать о прошлом Лилии не было никакой нужды. Она жила героическим настоящим, этим же занимались фронтовые газеты и штабные сплетники, каковых в армии было не мало. В 1942 году весь Сталинградский фронт облетела легенда о сбитом под городом Сталина гитлеровском асе -. бароне, кавалере трех железных крестов, уничтожившим за свою карьеру более тридцати самолетов противника. Он выпрыгнул с парашютом из горящего истребителя и был взят в плен советскими солдатами. На допросе барон попросил показать ему летчика, который его сбил. Командование удовлетворило просьбу генерала. В землянку, где велся допрос, быстрой походкой вошла улыбающаяся красавица-блондинка, одетая в летный комбинезон и задорным голосом представилась

– Лейтенант Лилия Литвиненко прибыла по вашему приказанию.

– Этого не может быть! – яростно закричал немецкий ас. – Вы решили унижить меня! Докажите мне, что эта красотка сбила лучшего летчика Люфтваффе!

Лилия улыбнулась своей обворожительной улыбкой, слегка обнажив свои ровные перламутровые зубы. Десять минут барон с подобострастием задавал вопросы летчице о деталях своего последнего боя, пытаясь уличить ее в обмане. Наконец барон встал во весь рост, сорвал с груди свои ордена Третьего рейха и бросил их к ногам Лилии. Затем ас опустился на пол, преклонив перед ней колени, и тем самым признал превосходство победителя. Такая красивая традиция, говорили, существовала у асов Люфтваффе. Особая фронтовая легенда была связана со страстной любовью Лилии Литвиненко и Героя Советского Союза летчика Павла Абрикосова. 23 августа 1943 году он не вернулся из полета. Отчаяние девушки трудно было передать словами. На следующий день она совершила четыре боевых вылета, сбив вражеский бомбардировщик. Этот вылет оказался роковым для Лилии. Девушка бесстрашно вступила в бой с 14 истребителями противника. Ее легендарная машина, украшенная девятью лилиями на фюзеляже – по количеству сбитых самолетов противника, – мстила за загубленную любовь своей хозяйки, пока не исчезла навсегда. Самолет искали, но найти не могли. Гибель Лилии обрастала нелепыми слухами. Кто-то видел ее в немецком плену. Кто-то из завистников говорил, что видел ее выступления на трофейной немецкой киноплёнке. Даже после войны кто-то из однополчан якобы узнал ее в репортаже о летчице, оставшейся в Швейцарии и вышедшей замуж за местного врача, который, рассказывали журналисты, оперировал ее и спас жизнь в немецком плену. Степан тщательно составил историческую архивную карту жизни Лилии и Павла на фронте. Это было не сложно, ибо об их жизни и подвигах написано было много в фронтовой прессе.

Сопоставляя все детали жизни героев Степану пришла авантюрная идея последнего проекта Театра жизни – разыскать потомков капитана Абрикосова и самому представиться правнуком этой героической пары. Необходимо было сфабриковать беременность летчицы и рождение их общего ребенка. Об этом нигде не было сказано. Но по архивным данным Степан неожиданно установил, что Лилия, получив ранение в феврале 1943 года целых три месяца странным образом находилась в госпитале. Теоретически медики могли установить беременность во время легкого ранения и оставить Лилию в тылу, чтобы родить дочку! В принципе все сходится. Под предлогом ранения отправили в тыл в отпуск, где она и родила. Ребенка пристроили в детский дом. А куда девать? Война... Павел женат, Лилия сирота. В детском доме дали фамилию Петрова. Всем в детских домах давали фамилии Ивановы, Петровы, Сидоровы. Кстати такая же история была и у Степиной бабушки. Она попала в детдом тоже по случаю залета фронтовой парочки. Родители даже не искали бабушку после войны. Может, были оба женаты.

«Хотя у моей бабушки был какой-то амулет из детского дома, в котором хранилась истинная фамилия матери или отца. Уже никто и не вспомнит. Сколько историй и тайн хранит война. Амулет! Вот где может быть доказательная интрига этой истории. Куплю антикварный амулет и помешу туда, предварительно, состарив фото Лилии, и история готова! Экспертизу делать никто не будет. Да и я не позволю. Никому в руки давать не буду. Осталось найти богатых родственников. Так так, доподлинно было известно, что Павел Абрикосов имел семью и двух детей. Точно. Двух мальчиков. Значит мальчики могли народить кучу отпрысков и хоть кто-то из них мог вырваться в люди и разбогатеть. Это шанс, большой шанс. найти богатых родственников и установить памятник. В конце концов, это не авантюра, а мой маленький человеческий подвиг. Господи! Помогите!»

Первые же попытки поисков через Интернет родственников Павла Абрикосова увенчались успехом. Благо исследований родословных Героев Советского Союза в интернет пространстве, включая ресурсы Минобороны было достаточно. Прямым потомком легендарного летчика оказался внук Павла Абрикосова – Президент и единственный акционер холдинга Авиапромбанка Иван Андреевич Абрикосов. Это была настоящая удача... Ивану Андреевичу принадлежала целая империя предприятий смежных с авиапромом, а банк был всего лишь видимой вершиной авиационного айсберга. Состояние Абрикосова по Форбсу оценивалось в 700 млн зеленых купюр. Иван Андреевич был меценат и это повышало шанс проведения задуманной операции. Мысли материальны подумал Степан. Он должен мне сам предложить финансирование памятника. Этот мой последний психологический этюд, после которого я получу свободную жизнь. Этот красивый проект я назову «Лилия».

К изумлению Степана концессионеры операцию "Лилия" приняли сначала скептически, долго рассуждали о рисках разоблачения, опасались Службы безопасности Холдинга, в общем осторожничали, опасаясь провала. Степану пришлось настойчиво и убедительно обрамлять все новыми и новыми деталями узкие места его семейной легенды. Наконец, пройдя вместе всю цепочку реализации проекта, концессионеры пожали друг другу руки и поклялись после завершения операции «Лилия» вернуться к честной жизни российских актеров.

Глава 6

Руки это бывшие крылья

Руки спасают человека от гибели

Гибели от праздности бытия

Сегодня Степан проснулся без будильника в 7 часов утра. Так всегда происходило перед сложным спектаклем, когда нервы собирались вместе с волей в единый узел и он ясно понимал, что сегодня, именно сегодня наступил тот самый главный день в его театральной и реальной жизни, когда решается будущее: «Оно обязательно будет лучше моего грустного настоящего, если идти вперед. Ведь побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто идет до конца».

Наш герой сосредоточенно и медленно сделал дыхательную гимнастику Стрельниковой, провел кардиотренировку на тренажерном велосипеде, принял душ и заварил себе ароматный кофе. Напиток напомнил запах утра в родном доме, где было так спокойно и счастливо жить... ведь кофе в юности не впитывал горечь жизненных неудач, а был предвестником зарождающейся радости и неповторимого дня. Отец вел здоровый образ жизни и часто цитировал ему в детстве Гиппократ "Как суконщик чистит сукно, выбивая его от пыли, так гимнастика очищает организм" и аккуратно каждое утро делал двадцатиминутную физическую разминку перед работой. Сейчас совет отца пришелся Степану очень кстати. Последнее время он стал замечать, что из-за неправильного питания и частого потребления алкоголя стал с трудом вписываться в размеры своих театральных костюмов. Это был серьезный звонок остановиться и соответствовать профессии, ибо никто не будет дошивать театральные костюмы специально под жиреющего от попок актера. Килограммы стали в последние недели медленно уходить, когда Степан ограничил себя в пьяных застольях, и начал нагружать организм здоровой активностью. Завтракал наш герой крайне аскетично либо вареными на пару кашами, либо йогуртом, либо

вареными всмятку яйцами: строго по схеме рекомендованной диетологом, который утверждал, что удачный день начинается с полезного завтрака.

Степан тщательно выгладил под стрелочку брюки, достал из комода свою любимую водолазку, приносящую, по его убеждению, неизменную удачу, и встав перед большим зеркалом стал медленно одеваться. Он никогда не спешил перед важным спектаклем и тщательно через одежду входил в свой образ, пытаясь представить себя как бы со стороны, оценивая впечатление от энергии своего имиджа. Последняя пьеса «Лилия», как он назвал для себя прощальный проект, предстояла быть самой сложной в его жизни, и он раскрыв свое лицо миру, хотел выглядеть очень достойно, чтобы органично влиться в славную семью героев Советского Союза. Удостоверившись, что выглядит безупречно и посмотрев на часы, сигнализирующие девять утра, Степан вздохнул, и, собравшись с мыслями, решительно набрал на мобильном приемную олигарха Абрикосова. Неожиданно приятный бархатный, слегка кокетливый, наполненный жизнерадостным утренним настроением девичий голос пропел ему в трубку:

– Доброе утро! Приемная Президента холдинга Абрикосова Ивана Андреевича. Вас слушают.

Уши человечества голодны по таким голосам. Они как дурманящий разум вдох свежего лесного воздуха или глоток родниковой воды возвращают нас к истокам и чистоте бытия, создавая особый мир благодати и гармонии. От приятного тембра голоса Степан слегка возбудился, он ощутил дыхание счастливой фортуны.

– Простите, очаровательная незнакомка, как Вас зовут? В вашем голосе столько поэзии... – зачем-то манерно, поставленным театральным бархатистым баритоном произнес слащаво Степан. Он сам ощутил неприятный перебор кокетливого сахара в своей голосовой интонации и стал вводить коррекцию тембра голоса по ходу " пьесы" в направлении этикета и делового общения.

– Это звонит Степан Черепанов. – произнес он вежливо.

– А меня зовут Элеонора. За поэзию отдельное спасибо! – приветливо певуче сообщил завораживающий голос.

– Элеонора, по большому секрету должен вам сообщить – Степан специально по театральному сделал большую паузу, сбил голос до трепетного заикания и как бы выдавливая из себя сокровенное признание тихо произнес – получается так в жизни Элеонора... что я... внучатый племянник... Ивана Андреевича. Правда, он обо мне и не догадывается..... Я правнук героев Советского Союза капитана Абрикосова и Лилии Литвиненко.

– Не разбогатев, не узнаешь сколько у тебя родственников – пошутила со смыслами девушка – Простите, Степан, Ивана Андреевича пока нет в офисе. Я непременно сообщу ему о вашем звонке – голос девушки стал строже, и Степан понял, что она не поверила его эмоциональному признанию. Это было неприятно, но еще не провал. Неудачи дают стимул к более умным поступкам.

– Я понимаю, о чем Вы думаете. Я с большим трудом набрал этот номер. Мне не хочется быть сыном лейтенанта Шмидта, милая Элеонора. Я самодостаточен. Я успешный актер ведущего Московского театра. И не нуждаюсь в деньгах.

– Неужели театральные актеры в Москве стали богачами? – произнесла иронично девушка.

– Сегодня страшное время, когда люди не верят правде. Моя бабушка на прошлой неделе поведала мне о своей судьбе и попросила найти родственников. У каждого человека приходит время для исповеди и у бабушки видимо оно пришло. Может быть уже не могла молчать... Мой номер 89166550555. Если Иван Андреевич захочет связаться, то буду рад. Если не сочтет нужным, я не в обиде. Главное я выполнил просьбу бабушки и передал родственную весточку. Я ведь понимаю все... У Ивана Андреевича своя жизнь, у меня своя. Кстати, мне в голову пришла потрясающая идея! Сегодня вечером я играю в театре. Приходите. Два билета на ваше

имя будут у администратора. Цветов покупать не нужно. Если понравится моя игра, то я готов угостить после спектакля вас чашечкой ароматного кофе, если же не понравится, то зачем Вам пить кофе с бездарным артистом. Приходите!

– Хорошо. Я подумаю. Только мне достаточно одного билета – после небольшой паузы без всякого кокетства, наполненный дистанцией и строгостью, произнес девичий голос.

Степан ожидал, что Иван Андреевич Абрикосов перезвонит сразу по приезду в офис, как только Элеонора доложит ему о таком важном разговоре. Должно было сработать естественное человеческое любопытство. Так бывало часто в его авантюрной практике. Весь вопрос в тонкости эмоциональной субстанции души Абрикосова, которая называется доверие. Бизнесмены, как правило, обладают тонкой организацией своего эмоционального интеллекта и развитым самосохранением. Для них непререкаемая истина, что каждому человеку, которого ты вознаграждаешь доверием, ты даришь кинжал, которым в любую минуту он может тебя убить. Многие бизнесмены в этой связи живут замкнуто, не пуская в свой мир никого. Возникнет ли у Ивана Андреевича это чувство доверия к такой новости – вопрос его жизненного опыта. Если он легковерный, то все окажется просто – пробьет через свою службу безопасности, что Черепанов Степан реальный актер Московского театра и бабушка его Зинаида Тихоновна Петрова тоже реальная личность, которая родилась в войну в 44 году и была сиротой, воспитываясь в детдоме.

Целый день Степан был как на шарнирах вздрагивая от каждого звонка на мобильный, но это были другие звонки. . . . Иван Андреевич молчал. План первой эмоции провалился. Надежда осталась на вхождение в доверие к Элеоноре и через неё – медленного захода на Абрикосова. . . . После спектакля Степан прямо из своей гримерной первым делом позвонил администратору. Приглашение никто не забирал. Это был неприятный звоночек, который прозвенел в сознании Степана напряженной мелодией недоверия.

«Что же произошло? Без сомнения, девушка передала шефу об идиотском звонке бедного артиста. Как можно не нуждаться в деньгах, будучи актеришкой? Где мои мозги? Идиот я идиот! Дорога к повторному звонку закрыта. Тупой честолюбец. Кретин. А может она ничего и не передала Абрикосову? Закрутилась, забыла или не захотела нагружать шефа всякой чушью. А на спектакль не пришла, потому что банально заболела. Может Абрикосов умчался в этот день в командировку, и она не успела ему доложить? Много неизвестностей, а неизвестность рождает фантазии и заблуждения».

Так рассуждал наш герой, самостоятельно снимая остатки грима за гримера как всегда не дождавшегося окончания спектакля и убежавшего домой к своим малолетним детям.

Размышление прервал резкий зуммер мобильного. Степан вздрогнул и поспешил ответить, сняв последний остаток грима с лица. Звонил Администратор.

– Здесь человек из органов Михаил Сорокин с вами хочет поговорить.

Степана пробила дрожь. Бежать, бежать. Прыгнуть в окно. Нет. Четвертый этаж. Буду сдаваться. Нет без борьбы нельзя.

В гримерную с символическим стуком вошел человек в штатском и без промедления показал свое удостоверение капитана полиции Сорокина Михаила Александровича. Это был еще молодой человек около тридцати лет от роду. Его смуглое лицо и узковатые азиатские глаза выдавали смешанный брак родителей. От таких браков, как правило рождаются симпатичные дети и капитан не был исключением. Он обладал высоким ростом, атлетическим телосложением и вполне аристократичным лицом с правильными чертами.

– Разрешите представиться, капитан Сорокин. – представился незванный гость. – Я расследую уголовное дело о мошенничестве в особо крупном размере.

– Чем я могу помочь Вам, капитан? Я не знаю ваших интересантов. – вежливо произнес Степан, одевая пиджак и всем своим видом изображая, что спешит. Он делал это специально, чтобы вывести из себя своим пренебрежительным отношением полицейского.

– Не торопитесь. Сначала разъясните мне природу Ваших доходов. Официальные доходы слишком разнятся с Вашим образом жизни и это мне представляется странным. – раздраженно произнес Сорокин и протянул Степану аналитическую записку.

Наш герой был готов к такому выпадку. Он много раз по ночам репетировал эту сцену допроса.

– Товарищ капитан, если бы Вы были осведомлены о том, что артисты живут не на зарплату, а в основном за счет творческой подработки, Вам не пришлось бы тратить свое драгоценное время на разговор со мной. Еженедельно я веду через агентства свадьбы и мероприятия в ночных клубах. Если налоговая не следит за прозрачностью уплаты налогов продюсерскими агентствами, займитесь налоговой службой, пожалуйста, а мне пора. У меня жесткий жизненный график.

Степан небрежно кивнул пораженному такой наглостью офицеру и вышел из гримерки. Хотелось бежать, но наш герой научился управлять своими чувствами. Он специально задержался на вахте, просматривая список приглашенных на спектакли со своим участием, чтобы демонстративно показать свое спокойствие перед молча прошедшим мимо него капитаном Сорокиным.

Сев в машину, Степан услышал звонок мобильного. Номер его не определялся и сердце снова сжалось от страха. К удивлению, это была Лена. Она ему редко звонила. Их прежние дружеские и даже романтические отношения в последнее время стали напряженными.

Странная штука жизнь. Еще полгода назад Степану казалось, что их первая симпатия может перейти в настоящее большое чувство. Первые три месяца пребывания в Москве они встречались порой втайне от Евдокима не реже трех дней в неделю. Ходили в рестораны, театры. Химия любви при этом между ними была почему-то очень слабой, какой-то сдавленной и порой театрально лживой. Степан постоянно чувствовал в Лене некое напряжение. Энергия зажатости ощущалась в девушке всегда. Она раздражающе и театрально смеялась реагируя на его шуточные репризы и самое прискорбное, когда даже целовалась делала это совсем без страсти. От нее веяло чем-то неестественным во всем. Степан сначала списывал все эти проявления бесстрастной любви на профессию актрисы, но потом ему стало не хватать в общении с ней человеческой искренности, и он естественным образом стал органично удаляться от Лены, «как уходят от прекрасных островов корабли, если не находят там живой воды для утоления жажды». Лена только в редких случаях выпив много вина сбрасывала маску и становилась милой девушкой, но в ее поцелуях все так же отсутствовала та энергия любви, которая кружит голову мужчинам и заставляет забыть все на свете и пуститься во все запретные проявления страсти с головой. Их странные отношения превратились в банальную привычку ежедневного запуска любимой пластинки, и превращались в банальную привычку, которая подобна семейным отношениям и эволюционирует с годами во взаимное добровольное рабство. Дальше поцелуев Лена никогда не допускала Степана. Это поведение разрушало мужской интерес Степана к ней, глушило в нем эротические фантазии и тягу к близости. С каждым новым свиданием Степан думая о Лене не понимал, почему с этой красивой и обаятельной девушкой, на которую с завистью оборачиваются все мужчины ему так безумно одиноко и скучно общаться. Вскоре наш герой выбросил Лену из своего так и не загоревшегося любовью сердца и не жалел об этом.

Вот и сейчас, услышав голос Степана, Лена щебетала по телефону банальностями о радости общения, как будто еще не отошла от своей привычной театральной роли роковой красотки:

– Степушка, дорогой мой мальчик! Как твои успехи? Я знаю, как по тебе скучаю!
Степан нехотя пробурчал.

– Мне не до скуки Лен, ей Богу. Хрень какая-то, Ленка творится! Сейчас полиция меня допрашивала прямо в моей гримерке. Я кажется провалил наше последнее дело с Абрикосовым и выхожу из игры. Я бездарь, а бездарям поделом неудачи. Наш Театр Жизни похоже без прощального спектакля просится на вечный или тюремный покой!

Лена, явно нервничая, слегка даже охрипшим от волнения голосом, произнесла:

– Не волнуйся так, душа моя! Надеюсь ты ничего о нас не сказал полицейскому. Сейчас время отчаиваться смело и вдумчиво. Ведь ты сам как-то говорил, вспоминая Вольтера, что отчаянье нередко выигрывает сражение...

– Давай не по телефону. Нас возможно слушают. Я свое сражение закончил и сдаюсь судьбе и проведению. Нам не о чем больше говорить. – резко прервал ее Степан и положил трубку.

Так бесцеремонно разговаривал с Леной он впервые и не жалел об этом.

Через пять минут остыв, Степан, почувствовав вину решил извиниться и набрал номер Лены. Она не отвечала.

Дома Степана никто не ждал. Одиночество угнетало душу. Есть не хотелось. Наш герой умылся и лег спать, но события дня не давали ему заснуть. Он раз за разом заново перемалывал в своей голове допрос и не понимал, что ждать завтра. Степан был честолюбив и не любил отступать ни перед чем, но на этот раз он решил подчиниться течению судьбы. Неожиданно раздался звонок в дверь. Снова страх вонзил свои острые когти в мозг и сердце его. Кто это может быть так поздно? Степан ненавидел с детства эту предательскую дрожь с от ночных звонков в дверь, когда в пятилетнем возрасте почтальон принес телеграмму о смерти бабушки. В последнее время вместо почтальона грезилась люди в погонах. Бежать было некуда. Степан быстро натянул брюки, одел рубашку и бесшумно на цыпочках, сдерживая свое прерывистое от волнения дыхание подкрался к двери и с ужасом и страхом посмотрел в глазок.

У двери стояла Лена. Степан выпустил воздух из легких и театрально зевнув, заспанным голосом произнес:

– Кто это ночью рвется в дом холостяка?

– Это я Степушка! Открывай!

Дверь открылась бесшумно. Степан специально следил за тем, чтобы петли всегда были тщательно смазаны, чтобы в случае опасности выскользнуть незаметно из квартиры на крышу.

Лена выглядела очень странно возбужденной и была изрядно пьяна. Не говоря не слова, она бросилась в объятия Степана, и одарила его страстным долгим поцелуем, от неё неприятно пахло спиртным и табаком!

– Я так волнуюсь, мой дорогой мальчик за тебя! Тебе так одиноко! Я виновата перед тобой. Мы так редко стали видится. Этот проклятый Театр жизни убивает нашу жизнь, уничтожает нашу любовь. Я ненавижу эти дьявольские деньги. Я так мечтаю о времени, когда мы сможем быть вместе всегда.

Степан невольно отшатнулся. Такого любовного напора он не испытывал от Лены никогда, даже в первую пору их страстных загулов. Она почувствовала его холодность и еще более страстно вонзилась своими холодными губами в его губы. Степану было неприятно и неловко отвергать девушку, но когда ее дерзкая рука стала расстегивать его рубашку и ласкать его грудь неведомое чувство опасности отбросило Степана от нее. Он застегнул быстро рубашку и произнес сухим равнодушным голосом:

– Лена! Я причешусь и давай переговорим на чистоту. Подумай минутку и скажи мне хоть раз в жизни честно: что с тобой происходит? Что ты от меня хочешь?

Степан зашел в ванную комнату, причесал взъерошенные Леной волосы, умылся холодной водой, и медленно вернулся в комнату.

Лена сидела в кресле очень напряженная, скрестив ноги и глядя в какую то только ей заметную точку в полу.

– Ты совсем не хочешь меня? – спросил она спокойно то ли из любопытства, то ли с обидой. Уловить ее интонацию Степан не смог.

– Нет! Мы только друзья. Дружба между мужчиной и женщиной возможна лишь тогда, когда секс между ними невозможен – тихо и дружелюбно произнес Степан. – Все в прошлом. Химии любви у нас Ленка давно нет, вернее никогда и не было. Мы должны глядя в глаза друг другу признать это и больше никогда не возвращаться к этой теме. Мы друзья. Я устал и хочу побыть один. У меня сложный день. Я покончил с Театром Жизни! Надоело врать! Надоело обманывать честных людей! Я сам разрушаюсь от этой лжи! Я не могу так больше жить!! А сегодняшний провал тому подтверждение! Все когда-то заканчивается Ленка!

– Но мы же партнеры. Мы с Евдокимом закредитованы и не можем отпустить тебя... У нас нет другого выхода. Нам придется идти вместе до конца. Нас многое связывает... – грустно произнесла девушка.

– Связывало – перебил девушку Степан. – Мне нужна реальная искренняя жизнь! Я устал от нашего театра! Как ты не хочешь это понять и услышать меня!

Девушка не сказав ни слова, с трудом поднялась с глубокого мягкого дивана и трогательно опустив голову скорбно побрела к двери. Степану вдруг стало очень жалко отпускать ее в ночь. Сердце его сжалось. Он с трудом сдержал себя, чтобы не остановить Лену.

– Лена, прости меня, но я действительно больше не могу жить в страхе... – произнес Степан грустно на прощание.

Девушка еле заметно кивнула головой и скрылась за дверью.

Евдоким не спал. Он думал о провале важной аферы «Лиля», о провале всей гениальной идеи Театра Жизни. Сегодня его допрашивал капитан Сорокин. Пришлось звонить знакомому генералу и намекнуть о необходимости прекратить преследование театра, поклонницей которого является его супруга.

Выход Степана из игры перечеркивал все его далеко идущие планы снять грандиозный блек джек. Степан без сомнения испугался полиции и это понятно. Молодо-зелено. Но без Степана вся его нынешняя и будущая жизнь шли под откос. Евдоким полностью зависел сейчас от Степана и доходов от масштабного проекта «Лиля». Ведь именно Степан оказался тем единственным в своем роде человеком, обладающим уникальным обаянием, позволяющим с легкостью внушать доверие незнакомым людям с первой минуты общения. Плюс он обладал задатками потрясающего таланта большого актера, да еще даром недюжинной способности к импровизации. Только эти три уникальных качества могли приносить успех в авантюрных проектах. Евдоким не представлял себе, как жить дальше, как выплачивать кредиты за шикарную квартиру в центре Москвы, новенький Мерседес, как отказаться от завтраков и ужинов в Пушкине на Тверском бульваре... Зарплата актера не покрывала и десятой части его потребностей. Он не спал, сидя в кресле, горько смакуя виски в ожидании возвращения Лены. Наконец раздался резкий звонок в дверь. Евдоким не любил тревожный звук этого звонка ночью и от неожиданности расплескал стакан с любимым виски. Не торопясь, он смахнул разлитый виски со стеклянного журнального столика салфеткой, тяжело встал и медленно направился к двери. За дверью стояла бледная Лена, которая ничего не говоря, вошла в квартиру, небрежно бросила свою замшевую сумочку Диор на комод и в джинсах, свитере и обуви без сил опустилась на диван, всё также молча.

– Что произошло? Почему ты такая бледная? Он тебя изнасиловал? Ты что молчишь? – закричал Евдоким и своими сильными руками схватил девушку за плечи, приподнял ее с дивана и крепко нервно встряхнул.

– Налей мне виски, убудок! – грубо скомандовала Лена.

– Ты как со мной разговариваешь? Ты что себе позволяешь? – задыхаясь от неожиданного хамства девушки зловеще прошептал Евдоким. – Что произошло?

Лена, не обращая внимания на его вопросы, опустила на диван, налила себе полстакана виски и залпом выпила.

– Ты что молчишь? Что случилось, любимая? – спросил участливым тоном Евдоким, пытаясь продемонстрировать готовность к перемирию.

– Любимая? Ты называешь меня любимой? Ты забыл, что я уже три года твоя законная жена! – закричала пронзительно женщина – Ты мерзавец смеешь называть меня любимой и принуждать ходить на похотливое свидание со Степаном и сейчас переживаешь спала я с ним или нет? Ты же дал задание, чтобы я с ним переспала! Ты уговаривал меня свою жену спать с другим человеком из-за своего преступного бизнеса и вонючих денег!

– Стоп! Стоп! Ты не в себе от алкоголя! Идея Театра Жизни моя, но кто меня доставал с упреками о ничтожности актерского жалованья? Кто хотел роскошной жизни? Кто просил меня придумать бизнес? Ты моя любовь! И как я мог удержать этого парня в Москве? Только женщиной! А какая женщина заинтересована в этом проекте? Только ты! Только тебе, любимая я мог доверять! Ты посмотри на себя! Сколько денег сейчас на тебе? В какой квартире ты живешь! Это все манна небесная? Это все требует жертв. Хватит на меня так глазеть. У тебя самая эрогенная зона – это мой бумажник. Хватит корчить из себя девственницу! На съемках в кино люди целуются и иногда спят вместе! Это наша профессия! Переспать тебе было зазорно с ним? Что от тебя убудет? Это же все ради нашей семьи и нашей любви! Ты что в 18 веке живешь графинюшка? Сейчас секс – это как почистить зубы! Что за трагедия переспать с кем-то?

– Ты сошел с ума! Я твоя жена! Я твоя жена! Ты что такое говоришь, безумец! Ты посылаешь жену спать с другим человеком! Вдумайся в это!

– Не скрою такое решение трудно мне далось. Я может быть страдаю больше тебя! Но я все делаю ради нашего дела и нашей любви и жду от тебя не упреков, а взаимности, понимания, сочувствия в конце концов! Ты великая в будущем актриса! Это твое призвание спать с мужчинами! Так театральный мир устроен. Не я его придумал. Поругались и ладно! Леночка, любовь моя! Я на тебя не обижаюсь совсем! Ты очень устала! Давай завтра же махнем в Сочи на недельку. А сейчас спокойно расскажи мне милая как прошла ваша пардон романтическая встреча. Ты убедила надеюсь Степушку, что деньги нам нужны для выплаты долгов? А после этого мы все вместе дружно с легким сердцем завяжем с этим делом.

– Он выходит из проекта! Он, как и я устал врать! Я не могу больше жить с тобой! Я ухожу! – тихо произнесла Лена и достала из гардеробной фирменную сумку Луи-Витон.

– Сумасшедшая! Ты уходишь к нему? Наверное, он лучше меня в постели? – взревел Евдоким

– Он не захотел спать со мной. Я уеду из Москвы! Я бросаю театр! Я еду к маме! – Лена говорила спокойно, как человек принявший осознанное решение.

– А кредиты ты оставляешь мне? Какое бесчеловечное предательство! Бездарность! Сколько сил я приложил, чтобы засунуть тебя в труппу! Неблагодарная!

– Ты заставил неблагодарную жену переспать сначала с режиссером а потом и с директором театра ради твоей карьеры великого артиста! Ты торгуешь мной, как шлюхой! – спокойно произнесла Лена, складывая сосредоточенно свои вещи в сумку.

– А кто ты? Кто? Если бросаешь меня своего законного супруга именно в тот момент, когда наш семейный корабль пошатнулся и остался без топлива в буре рыночных страстей!

Каюсь! Я может и виноват в чем то, но я делал все в жизни только ради тебя! Давай выпьем мой котенок! Тебе нужно отдохнуть любимая! Этого парня я не отпущу так просто! Негодяй! Отказаться переспать с такой красивой девушкой! Да еще выйти одному из проекта и не поддерживать своих преданных друзей! Мы из него человека сделали! Тварь неблагодарная!

Евдоким налил еще виски. Лена, безвольно захмелевшая взяла стакан и выпила его до дна. Затем он взял Лену на руки и стал причитать импровизированную колыбельную " Завтра Леночка, моя девочка, проснется и мы что-нибудь придумаем. Обязательно моя красавица, придумаем! Мы будем с тобой богатыми людьми...» Сознание Лены неожиданно вернулось к ней, и она внезапно зарыдала, давась от боли, разрывающей ее сердце и душу.

Степан глубоко спал, когда зазвонил мобильный телефон. На дисплее телефона было три часа ночи. Это был Евдоким. Степан нехотя и с раздражением взял мобильный.

– Старина! Прости не помешал? Ты случаем не с красоткой? А то я перезвоню утром! Не буду мешать! Мужская солидарность!

– Я один! Три часа ночи! Дня мало для звонков? – раздраженно заметил Степан.

– Спать не могу! Переживаю! Надо как-то ускоряться! Потеря темпа – это потеря курса, старик. Кстати...Как Иван Андреевич с новым родственником познакомился?

– А Лена тебе что не передала? Прости, но я устал и выхожу из игры...

– Все устали, Степушка кредиты платить – и ты и я и Лена... Но спектакль играют до конца. Закон жанра! Ай да Ленка! Легкомысленная девчонка! Как деньги появились, так и про меня забыла! Ленка не звонит, ничего не передает. Мы с ней редко общаемся! Ты главное не переживай! У нас масса спектаклей и клиентуры в запасе! Иван Андреевич сорвется – другой спектакль играем! Отдай свою бороду в химчистку и порядок!

– У тебя все? Меня сегодня допрашивали. – не скрывая своего раздражения произнес Степан.

– Ах уже эти допросики. Я уже генералушке позвонил и предупредил, чтобы пальцем тебя не тронули, а не то я его жену от театра отлучу... – очень пьяным голосом медленно продолжал браваду Евдоким. – Ах уж ночь на дворе! Забыл! Как мне всегда хорошо с тобой Степушка. Извини, старина, что разбудил! Просто по-дружески скучаю по тебе!..

Берегись меня, ублюдок! Не закончим проект, как собаку на цепь пожизненно посажу.

Не успел Степан произнести и слова в ответ, как услышал зуммер прерванного разговора. Спать после этого звонка не хотелось. Мысли полезли в голову. Значит Евдоким контролирует ситуацию... Хотелось про все забыть. Степан поднялся с постели налил немного виски и решительно выпил. Тело постепенно наполнилось теплом, голова стала ватная, веки тяжелые. Сон взял в плен нашего героя до утра.

ГЛАВА 7

Подлец – это вдохновенный подельник цеха лицемерия

Лицемерия уничтожающего человеческие лица

Осознания праведности добра и справедливости.

В шесть часов утра Степан проснулся от странных звуков за окном, напоминающим стук по стеклу. Он открыл глаза и увидел яркие солнечные лучи, пробивающиеся через рыжие тонкие китайские шторы с веселыми драконами. Через них Степан увидел виновника его пробуждения. Это был любопытный голубь, деловито и немного высокомерно прогуливавшийся по карнизу и, казалось, желающий привлечь внимание Степана к своему голубиному танцу.

«Это благая весть» – подумал, улыбнувшись, молодой человек, наблюдая за голубем. «Хорошо быть голубем – захотел романтики полетел в Венецию, а захотел отомстить врагам – обгадил их машину. Голубь, голубь дорогой! Принеси мне счастья, хоть весом в твой помет. В конце концов должно же оно ко мне прилететь, хоть ненадолго... Ведь счастье – это способность улыбаться жизни. Правда счастливчик голубь?»

Голубь как будто угадал мысли Степана и стал еще веселей вытанцовывать на карнизе, приветствуя своим танцем радость зарождающегося дня. Вылезать из теплой постели не хотелось. Сегодня в пять часов был генеральный прогон спектакля с его участием в главной роли.

До девяти утра Степан валялся в постели, входя в образ Дон Жуана по осовремененной пьесе Жана Батиста Мольера. Режиссёр-постановщик этот образ видел, как патологическую способность мужчины понимать психологию женщины, тогда как другие мужские особи этой способностью не владели. Этот божий или дьявольский дар позволял Герою мгновенно влюблять в себя каждую прелестную особу. Романтизм образа Дон Жуана в редакции современного молодого режиссера Альфреда Гербариева трансформировался на сцене из везунчика в маниакальный портрет нашего олигарха-современника. Причем Дон Жуан имел облик генетически модифицированного мужчины, который добивался женщин с помощью современных технологий искусственного интеллекта, позволяющих управлять чужим разумом на расстоянии. Степану сначала не нравился этот современный фантазийный посыл, но это была первая главная роль в театре и отказываться от нее он не имел никакого права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.